AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALİ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 37

mayıs — 1937 — май

№ 37

IÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Al. Niepodległości 26 m. 6a. Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Al. Niepodległości 26 m. 6a. Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 37 MAYIS — 1937 — МАЙ № 37

1917-nin EYLûL'UNDA ANDİ ŞEHRİNDE YAPILAN MİLLÎ KURULTAY (ressam Halil Bek Musayasul'un eskizi). x) Gotsoli Nacmeddin; xx) Şeyh Uzum-Hacı; xxx) Karahlı Şeyh; 1) Mikâil Halil-Paşa; 2) Ali-Han Avarski; 3) kin. Nuh-Bek Şamhal; 4) kin. A. Şervaşidze.

НАРОДНЫЙ С'ЕЗД В АНДИ В СЕНТЯБРЕ 1917 ГОДА (эск. худ. Халил-Бека Муссаясул). x) Нажмуддин из Гоцо; xx) Шейх Узум-Хаджи; xxx) Шейх из аула Карах; 1) ген. Микаэль-Халил-Паша; 2) Али-Хан Аварский; 3) кн. Нух-Бек Шамхал; 4) кн. А. Шервашидзе.

KAFKASYA MiLLETLERiNE BEYANNAME

Bundan 19 yıl evvel, güzel Mayısta, yabancı istilâsı zincirlerinin kırılışı Kafkasya dağ ve derelerine ses saldı.

Kafkasya milletleri bir adam gibi hürriyet almak için rus boyunduruğunu atıyorlar.

Tarihin gidişile, ufak cüz'lere bölünmüş bulunan her millet, tarif edilmez bir heyecan ve kat'iyetle yerli partikularizmi terk ederek, tarih sahnesine millî bir bütün olarak çıkıyor.

Müstakil Kafkasya Cumhuriyetleri teşekkül ediyor: Medeniyet dünyası ise onlara: „safa geldiniz" diyor.

Fakat hain düşman uyanmış ve uzaktan bu cumhuriyetleri gütmekte bulunmuştu. Çar Rusyası gibi, bolşevik Rusyası da milletlerimizin yeniden doğuşlarını düşmanca karşıladı. İki dünya yüz yüze geldi. Kafkasya ile Moskva. Hürriyet ve istibdad. Bu karşılaşmada—muvakkat bir zaman için—üstünlük ikincinin tarafında kaldı. Kafkasya hürriyetini itirdi ve istibdad muzaffer çıktı.

Bunun sebebi: yenidendirilmiş milletlerin biribirilerinden ayrılıkları idi; aralarında cephe birliği yoktu.

Biz acı bir ders aldık. Bu ders bize galebenin yolunu gösterdi: yeni birleşmiş konfederatif Kafkasya İttifaki yapmak ve birleşmiş Kafkasya kurtuluş teşkilatı yaratmak—tarihî tecrübenin hâkim şekilde gösterdiği halâs yolu işte budur.

Kafkasya Konfederasyon Şurası hayat sahnesine giryior ve bütün Kafkysyanın kurtuluş bayrağını yükseltiyor.

Neye ümid ediyoruz?

İki şüphesiz hakikata: evvela, milletlerimizin hür ve müstakil olmak hususundaki yılmaz azmine, sonra da Moskva hâkimiyetinin çaresiz çökeceğine! Biz bir yandan milletlerimizin manevi dayanıklarına, öbir yandan da düşmanlarımızın çürüyerek biribirlerini çiğnemekle meşğul olduklarına şahid oluyoruz. Hürriyet aşıkı Kafkasya, dağ gibidir ve kendi mevkiinde durmuştur. 17 yıldan beri devam eden eşidilmemiş istilâ onun azmini kıramamıştır. Her millet kendiliğinde ve bütün Kafkasya birlikte, bu esaslar dahilinde, maksada doğru yürümektedir.

Kafkasya milletleri birleşmiş bir cephe halindedirler. Bu cepheye karşı çalışmak Kafkasyaya karşı çalışmak ve onun düşmanlarına yardım etmek demektir!...

Birleşmiş Kafkasyanın tek bir cephe halinde olması kurtuluşumuzun yeğane vasıtasıdır!

Kafkasya kuvvetlerinin bir arada birikmesini yalnız geçmişin dersi değil, şimdiki vaz'iyetinin görünüşü dahi kat'iyet ve israrla taleb etmektedir! Sovyet hükûmeti sür'atli adımlarla felakete doğru gidiyor! Tarih onu yakın bir zamanda yok olmağa mahkûm etmiştir onun varisi kimdir? İşte asıl can alacak mes'ele. Bolşevik hükûmetinin yerini başka bir istibdad mı tutacak, kızıl imperyalizmi, kara imperyalizmemi tebdil edecek, yoksa mahkûm milletlerin istedikleri mi olacak? Onlar kendi hürriyet ve istiklâllerine erişeceklermidir?—İşte yaşadığımız zamanın en mühim mes'elesi!...

Kafkasyanın birleşmesi ve Sovyet Rusyadaki mahkûm bütün milletler arasindaki ittifak— bize yaşadığımız dönüş devrinin kaosundan muzaffer çıkmak imkânını veriyor!

Kafkasya Konfederasyon Şurası Kafkasya milletlerini bir bayrak altında birleşmeğe ve tarihin iktizasınca mücadele bayrağını yükselterek ve el-ele vererek, zafer ve kurtuluşa doğru yürümeğe çağırıyor!

Redolsun Moskva istilâsı!

Yaşasın milletlerin kurtuluşu!

Yaşasın birleşmiş Kafkasya cephesi!

Yaşasın müstakil, konfederatif Kafkasya!

Kafkasya Konfederasyon Şûrası.

Ondokuzuncu yıldönümü

Kafkasya cumhuriyetleri istiklâlinin 19-ci yıl dönümünü, Kafkasya millî varlığının daha fazla kuvvet buldugu bir hava içerisinde idrak ve tes'id ediyoruz. Amansız düşman, çignenmiş haklarının iadesi için çarpışan milletlerimizin mukaddes hamlesini sarsıtmak ve zayif düşürmek için yeni vasıtalar aramakla meşğuldur.

Moskva'nın yüzünü örten ikiyüzlülük maskesi artık temamen yırtılmıştır. Güzel kelimeler ve geniş vaidler, istila edilmiş memleketlerde artık sovyet propagandasının birer silâhi olmaktan çıkmıştır.

Vaktile, 1921-in Mayısında Kafkasya Cumhuriyetlerinin istilâsından bir az müddet sonra, Lenin, Gürcüstan, Azerbaycan, Ermenistan ve Şimalî Kafkasya komünistlerine hitaben yazmış olduğu mektubunda, Rusya ile Kafkasya arasındaki farktan bahsediyor ve kafkasya komünistlerine rus bolşeviklerinin taktikini taklid etmiyerek „Kafkasya şeraitinin bütün hususiyetini, illet ve neticelerini müstakilen düşünüb göz önünde bulundurmağı" tavsiye ediyordu. Şimdi ise hakim devletçilik hırsı, bu gibi göz boyayıcı sözlere bile ihtiyac his etmeden hakimiyetini devam ettiriyor ve Moskva, kendi, müstevli ve tazyıkci çehresini açıkca göstermekten çekinmiyor. Müstebidce tatbik edilen merkeziyetcilik, amansız metodlarla yapılan ruslaştırma hareketi, sovyet rejiminin buğünkü asıl vaziyetini gösteren en karakteristik cihetlerdir. Eski ihtilalci lâfların arta kalmış bakiyesi reyel tesebbüslerin ve

çizilmiş hedeflerin çıplaklığını örtecek vaz'iyette değildir.

Lâkin uyanmış millî ruhu, dekret ve emirlerin maddelerile zincirbend etmek kabil değildir. Hürriyet iradesini „çeka" bodrumlarında boğmak, kızıl cellatların sadistce imha ettikleri kanlı kurbanların kanları içerisinde gark etmek mümkün değildir.

Kafkasya milletleri, bundan 19 yıl evvelisi olduğu gibi bugün de İstiklâl yolu üzerinde metin adımlarla yürüyorlar. Bu istiklâl fikri namına yapılan mücadele zayıflamiyan bir heyecan ve fedakârlık hissile yapılmaktadır. Bu mücadele zemini üzerinde çiçeklenmiş kafkasya birligi idesi, Kafkasya Konfederasyon Misakı'nda kendi inikâsını bulmuş ve bir müddet evvelki mağlubiyetimizin esas sebeblerinden biri olan feci mes'eleyi hall ve itmam etmiştir.

Tek ve sarsılmaz bir irade, müşterek Hürriyet aşk ve heyecanı ve mücadele zevkı—muvaffakıyetimiz için kâfi bir zimandır. Kendi millî vicdanın sesini dinleyen Kafkasya milletleri kendi İstiklâllerini elde edecek ve kendi emniyet ve rifahlarının temeli olan Konfederatif Kafkasya'yi yaratacaklardır!

Edil-Ural millî muhacereti, bu yılın ilk baharında, kendi yolbaşçısı Ayaz İshaki Bey'in 40 yıllık edebî faaliyetinin yıl dönümünü tesid etti. Mecmuamızın yazı heyeti ve işarkadaşları Edil-Urallı kardeşlerimizin bu merasimine katılarak saygılı Ayaz İshaki Beye çok faydalı ve verimli geçen bu 40-ci yıl dönümü dolayisile tebriklerini sunar ve ona uzun ömürler diler.

Kırımlı Cafer Seydahmet

KAZAN EDEBiYATI VE AYAZ iSHAKi

Kazan Türklerinin edebiyatında temeltaşı (Abdul Kayyumü Nasiri) dir. (1824—1902) Çalışkanlığı, azim ve iradesi ve bilhassa işe candan bağlılıgile temeyyüz etmiş olan bu büyük adam Kazan halk edebiyatını toplamış, dili işlemiş, bu suretle ilmî tedkiklere ve edebiyata sağlam temel hazırlamıştır.

Buharada taassuba karşı fırtına koparan (Korsavi), Kazan taraflarında taassubi sarsacak tohumlar atmıştı. Müstesna zekâsile, yüksek kabilyetile yine Buharada arabcayı ve dini ögrenen, bilhassa Arab eserlerinden Türk tarihini Kazanın geçmişini, bulub çıkaran Mercani merhum da halka hem tarihini ve hem de ilmin ve medeniyetin lüzümunu anlatmağa ugraşmıştı. Nasiri ise halkı harsine, dilıne bağlamağa hayatını vakf etti. Halk edebiyatı, masallar, türküler, mahniler, bilmeceler, efsaneler onun kalemile kitaba geçti; (Lehcei Tatar) lügatı ile dilin zenginliğini ortaya koydi. O, bu dilin sarfını ve nahvini da yazdı, (Kavaidi-Kitabet) ile de yazının imlâ ve telif kaidelerini anlatmağa ugraştı. 1871 den 1897 e kadar devam eden salnamelerile, tıbkı Ahmet Midhat efendinin Türkiyede (Tagarcık) ve (Kırk-anbar) ile yapdığı gibi, halkı okumağa alışdırdı.

Nasiri edib değildi, edebî bir eser yaratmadı, o ediblere hem temel hazırladı ve hem de yol açtı. Kazanda ilk basılan edebî eser 1886 da basılmış olan Musa Ak yigit zadenin (Husameddin molla) romanıdır... Bundan sonra Zahir Bikinin (Güzel kız Hatice) ve (Günahi-Kebair) hikâyeleri ve 1895 de merhum kadı Rizaettin Fahrettinin (Selime) si basıldı.

Ayaz Beyin ilk eseri (taallümde saadet) 1898 de basıldı, ilk yazılmış olması itibarile kıymeti olan bu hikâyede Ayaz, edebi kudretini gösterememişti.

Bunu takib eden (Kelepüşcü Kız) la Kazan edebiyatı hakikaten orıjinal, tamamile hayattan alınmış, canlı ve yep yeni bir esere kavuşmuşdu. Bunu takib etmiş olan „Bay oglu", „İki aşk", „Üç kadınla hayat", „İki yüz yıldan sonra inkıraz", „Aldım verdim", „Muallim", „Tesadüf yaki Gülizar", „Zindan", ve Gogoldan tercüme ettiği „Eski zadeğan", Puşkinin „Kapudan kızı", „Zuleyha"... ve diğer eserler, bir çok küçük hikâyeler hep coşkun bir nehir gibi akdılar ve Kelepüşçü kızın açdıgı mecradan ilerileyerek, yalnız, Ayazın edebî siması değil Kazan edebiyatında Ayaz mektebi de canlandı... Kazan edebiyatına gerek eserlerinin çokluğuyla ve gerekse kendi tarzındaki ittıradla en ziyade tesir etmiş olan edib hiç şüphesiz Ayaz Ishakidir...

Şimal Türkleri edebiyatının (San'at için San'at) modasını pek tanımamış olmasında içtimaî, siyasî harsî pek çok sebebler vardır... Bunların en başında halka dayanmak, halkı harekete getirmek endişesi gelir... Bunu en kuvvetli duyan ve en birinci olarak bu yolu canlandırmaga çalışan ve bundan hiç bir eserinde, hiç bir yazısında ayrılmamış olan edib Ayas İshakidir... Onun hemen bütün eserleri ve bunlarda canlandırdıgı şahsiyetler hep hayattan alınmıştır. Eserlerindeki mollalar, medrese talebeleri, tüccarlar, köylüler, kadınlar, kızlar hep kendi ruhları, düşünceleri, duygularile, eyi fena itiyatlarile canlandırılmışlardır... Bunların her birisi cemiyetin bir ifadesidir. Bunlar birer tipdir. Edibin hayalının değil, cemiyetin mahsülüdürler. Halkcılık tabii olarak Ayazı inkîlâbcılıga götürmüştü... Cemiyetin hayatını tahlil ona hayatımızı gemirenleri, zehirleyenleri buldurmuştu... Bundan dolayı onun bütün eserlerinde, eyi ile fena, hakla haksızlık, yükseklikle alçaklık çarpışır... Bu halkçi edib kazan türkünün en fakir kulubesinde titreyen en zavallı köylüsünden, en yüksek zenginine kadar bütün halkın hayatını yakından gördü, anladı ve onu hiç çekinmeden, inkılâbcı ruhundan aldığı kuvvet ve cesaretle tebarüz ettirdi. Cemiyetin en kara düşünceli mütaassıb mollasından, en hür ve medeni düşünenlerile sıkı derdleşmeleri, çekişmeleri sayesinde o bütün fikir cereyanlarını bildi ve onların halka tesirlerini tedkik etti, halkın zihniyetini, kavrayışını daima yokladı... ve bütün eserlerinde bu cereyanları emsalsız ve canlı surette canlandırdı...

Rus edebiyatının, fikir cereyanlarının Ayaza tesir etmemiş olduğunu iddia etmek elbette doğru olamaz. Onun fikir ye kanaatlarına Narodniklerin ve sosyalist-

lerin edebî siyasi neşriyatlarının tesir etmiş olması katidır... Nasirinin halk edebiyatına ait eserlerile, salnameleri de genç Ayazın halkına bakmasına, halkının kitabî dilini öğrenmesine elbette tesiri olmuşdur. Herhalda „tercüman" ve tercüman neşriyati da ona milli üfuk açmaga yaramıştır. Fakat bütün bunlardan ilham alan, fikir ve gaye bulan Ayazın halkçılıgı, inkilâbcılıgı edibligi kendisine hastır... O kendi halkının evlâdı ve onun ruhunun tercümanıdır. Kazan türkünün içtimaî hayati, harsî, adetleri, zihniyeti Rustan tamamile farklı ve ayrı olduğu gibi mevzularını bu hayattan alan Ayazın eserleri de tamamile orijinal millî ve şahsîdir. Bana öyle geliyorki, o dünyaya bakarken kendi halkını gören adamlardandır... Başkalarını taklide, kopyaya hiç yeltenmemişdir. Çünkü o başkalarına bakarken onları oldukları gibi tanımağa değil kendimizle onlar arasındaki farkları bulmağa çalışmıştır. O başkalarında taklid edilecek, hazır alınacak şeyleri aramamış: kendi bünyemiz, kendi harsımız, kendi zihniyetimizin medeniyete, tekâmüle uyabilmesini düşünmüş ve bu yolda çarpışmıştır.

Medeniyet ve Hak!.. işte Ayazın idealı... Bu mefkûre Ayazın yalnız edebî hayatında değil bütün siyasî görüşlerinde de hakim rol oynar. Bütün eserlerinde taassuba ve cehalete karşı hücum eden Ayaz daima haksızlığa oğrayanların elemleri, iztırabları ile de inler. Onları kurtarmağa çalışır, onları isyan ve muvaffakiyete götürür. Müstesna hayatı kudrete sağlamlığa ve canlılığa mazhar olarak yaradılmış olan Ayazın her eserinde hayat, iman, ümid daima en canlı, en taze, en kuvvetli şekilde canlanır.

Bedbinlik ve ümidsizlik tanımaz ve tanıtmaz.. Bundan dolayı o eserlerile çok müsbet tesir etmiş halkı halkın her tabakasını candan sarsmıştı (Mefkûrecilerin muvaffakiyetleri imanlarıla sözleri, hayatlarıla fikirleri arasındaki yakınlıkla ölçüldiği gibi ediblerinde tesirleri yalnız yeni, sağlam düşünceler bulmalarile değil bütün yürekleri ve ruhlerile sevmelerile, onlar üzerinde candan titremelerile mütenasib olur). Ayazın edebi eserlerinin büyük tesirlerinde de onun gayesine yani halka, hakka, medeniyete olan yüksek ve samimi duygularının kudretini görmemek kabil değildir,..

4 nisan 1934 tarihli Emel mecmuasında; siyasî bakımdan, Ayaz hakkında yazdığım makalede: „Ayaz her şeyden evvel imanın kuvvet olduğunun canlı bir ifadesidir. Onu hiç bir şeye kırdırtmıyan kudretin menbai bu imandır" demiştim. Edib Ayazın da eserlerindeki muvaffakiyet imana olan samimi bağlılığının neticesidir. Siyasî hayatındada olduğu gibi edebiyattada Ayazı yükselten medenî cesaret. O imanı, imane samimi bağlanışın mahsuludur. Siyasette taktike fazla ehemmiyet vermeyen Ayaz edebiyatta da şekil üstünde okadar titizlik göstermez... Sözlerin, cümlelerin parlaklığı, hatta, inceliği ve düzgünlüğü, tenkitlerin yerinde ve, muayyen bir nisbette olub olmaması onu okadar oğraşdırmaz...

Kazan Türkçesinin edebi işlemesine en ziyade tesir eden hiç şübhesiz Abdullah Tokay merhum olmuştur. Fatih Emir han da sanata ve fikirlerin derinliğine ehemmiyet vermekte eşsizdir. „Tugan-til„in güzelligini candan duyan (Tokay) onu idealize ediyor, onun aşkile yaniyor, onun üzerinde titriyor, onun güzelliğini kemale eriştirmek için çırpınıyor. Ayaz da dili seviyor, oda Kazan türkçesine candan bağlıdır fakat o dili mücerred olarak düşünemiyor. Dil üzerinde duramıyor, onun güzelligini arttırmak onun için başlı, başına bir gaye teşkil edemiyor. Onda sanat da, dil de bir vasıtadır. Onda esas olan şekil değil ruhdur. Ayazda hakım olan gayedir. Taassubu kırmak, cehaleti yenmek, haksızlıgı boğmak işinde o sanata dile ikinci derecede ehemmiyet vermişdir... Onda esas olan heyecandır. Onun beklediği ruhun fikrin, kolaylıkla meseleleri sezmesi, netice çıkarması ve aksülâmel dogurmasıdır... Onun aradıgı sanatın inceliğinden ziyade halkın sarsılmasıdır. Okuyucunun düşünmesi, duymasıdır... Eserin şekli ve yeni fikirlerle, felsefi düşüncelerle, halk edebiyatından parçalarla süslenmesi gibi şeylere Ayaz Bey pek ehemmiyet vermez. Buna rağmen düşüncelerini ve duyğularını hayattan alınan güzel levhalarla, canlı ifadelerle, ince nüktelerle keskin tenkitler, merhametsiz hücumlarle en eyi tebarüz ettirmekte Ayazın kudreti hiç şübhesiz pek yüksektir.

Bilhassa hayatın bütün teferruatını inceliğini kavramakta, halkın zihinyetini tamamile anlamakda ve canlandırmakda, kendi kanaatlerini, tenkidlerini, açık ifade etmekde Ayaz eşsizdir...

Gerek mevzularını hayatın, cemiyetin her safhasından alması ve gerekse hikâye, roman, piyes şekillerinin her birinde bir çok eser yaratmış olması, bütün eserlerinde hayatı hakikati, halkın düşünce ve hislerini olduğu gibi tesbit etmesi ve edebiyatta halkcı ve inkılabcı cereyanı yaratmakda birinci rolü oynamasile Ayaz Kazan edebiyatının en mühim, merkezî simasıdır.

Madam de Ştal „Göte, bütün Alman edebiyatıni temsil eder... Belki bu memleketin diğer büyük yazıcıları her hangi bir bakımdan ondan yüksek olabilirler, fakat yalnız o, eserlerinde Alman fikrini ayıran mümtaz vasıfları toplar..." demişdi...

Genç Kazan edebiyatında devri, muhiti, şeraiti nazarı itibare alınmak şartile biz de Ayaz bütün Kazan edebiyatının mümessilidir deriz... Çünkü devrinin içtimaî fikirleri, adetleri, duyguları Ayazın eserlerinde olduğu kadar umumî, şümullu olarak bütün inceliklerile, hususiyetlerile hiç bir edib tarafından işlenmemiştir... Ayaz XIX inci asrın sonlarında canlanan Kazan edebiyatının genişlemesine, hizlanmasına, halkcı, inkilâbci ruhla canlanmasına herkesten ziyade müessir olarak o büyük devrin büyük amili olmuştur.

Bu büyük edib, edebiyatta belli mekteblerden hangisinden sayıla bilir? O romantik değildir, yüzde yüz realist de sayılamaz. Onun yalnız üslubu değil tarzı da kendisine hastır. Mevzuları, yazılarının şekli fikir ve duyğunun nisbeti, hakikatla hayalın derecesi, onun her eserinde başka başka derecededir.

Mutlaka onu başka milletlerin yazı ediblerinden birisine benzetmek icab ederse ben onu Balzaka benzetmiştim. (Bunu da onun edebi tarzı ile, hayatın şeklini, teferruatını, inceliğini, kabalıgını olduğu gibi en küçük tereferruatının bile gözden kaçırılmayarak tesbiti cihetinden yapmıştım)... Onda da Balzak kadar kuvvetli müşahede, nüfuz ve tesbit hassasını buldugumdan o teşbihde bulunmuştum. Balzakın yarattığı tipler Fransada uzun zamanlar mukayeseye teşbihe esas tutularak zikr edilebilirdi. Ayazın da şakird, molla, bay, muallim, köylü ilah... tipleri Kazan edebiyatında ve

hayatında öylece tanılır ve konuşmalarda kullanılırlardı...

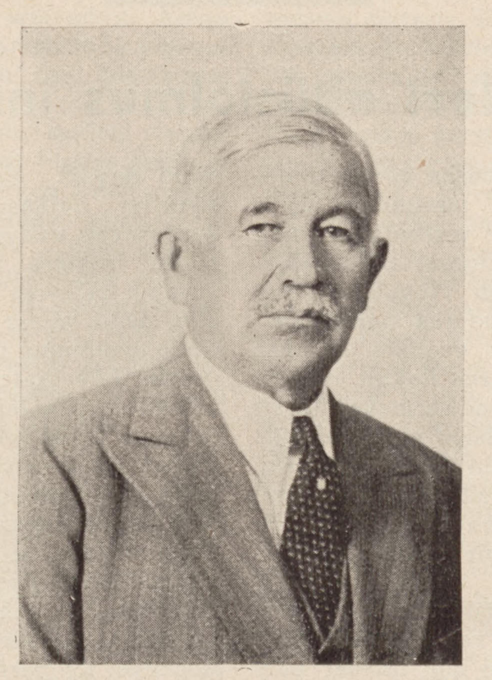
Ayazın ve edebi eserlerinin ruhu itibarile bu benzeyiş de doğru değildir. Bu bakımdan o (Zola), ya benzer... İnkilâbci ruhlu Zolâ hak için hak güreşinde ne kadar yüksek celâdet göstermişti. Ezilenleri, eriyenleri, çiynenenleri o ne kadar şefkatla sevmiş ve sevdirmişti.. Ayazın ruhuna hakim olan esas da haksızlığa isyandır. Çarlığın ve taassubun elinde eriyenlerin Kazan edebiyatında en usanmaz ve en sarsılmaz mudafii odur.

Kazan edebiyatında kadınların bütün içtimai ve ruhi derdlerini ondan fazla tahlile çalışmış, bir edib gelmedi demekte de tereddüt edilemez...

(Zola) hakkın müdafii olarak, Ayaz halkının güreşcisi olarak haksızlığa hücum ettiler ve bu ugurda hayatlarını ortaya attılar... Bu ruhi halet onların eserlerinde görülüyor. Zolada insanlık ne ise Ayazdada halkcılık odur... (Zola) mus'ut Fransız cemiyetinin içinde ezilenleri, haksızlıga ograyanları tutmağa çalıştı.. Ayaz ise iki mühim dava karşısında cebhe almaya mecbur kaldı... Kazan Türklerinin millet olarak ogradıkları hakızlık ve bu cemiyetin içinde ezilenler... Derinlik ve yükseklik itibarile Zola daha kuvetli ise cebhenin genişligi itibarile Ayaz elbetde daha şumul[udur..

Eserlerinin mevzuları ve yarattığı tipleri daha çoktur. Biz bu iki edibi kıymet ve san'at bakımından mukayseden ziyade bu iki ruhun ve yarattıkları eserlerin birbirlerine benzeyişlerini, yakınlıklarını, tahlile çalıştık..

Kazan edebiyatında kuvvetli halkçı bir çığır açmış olan Ayaz edebiyatta son sözünü söyledimi? Bu sual daima düşündürdü... Ayazın girişdigi siyasî mücadele, mudafaa ettigi millî istiklâl davası her millet için olduğu gibi Edil-Ural Türkleri için de tarihin hiç şüphesiz en kudsi işidir...

Ayaz İshaki — Аяз Исхаки

Fakat bu yolda çırpınan mücahit Ayaz, edib Ayazı öldürmiyormu ve bu da millî bakımdan büyük bir zarar değilmi?

Ayazın ruhuna edebiyat o kadar hakimdirki onun bundan kurtulmasına imkân yokdur... Onun hayata bakışında, insanları görüşünde, hatta siyasi düşünüşlerinde bile ruhundaki edibliğin tesiri görülür... En mühim içtimalarda, en ciddi siyasî münakaşalarda Ayazın kafası iki sahada birden çalışır; siyasî Ayaz karşısındakilerin siyasî maksatlarını, gizli emellerini anlamağa ograşırken edib Ayazda sanatkâr gözile onların ruhlarını tahlil eder... Yalnız karşısındakilere bakışda değil kendi içinde de Ayazın iki şahsiyeti vardır... Bunlar bir birlerile okadar yoğrulmuşdurki ve Ayaz bunların her ikisine karşı ruhunda okadar meclubiyet duyarki bazen birisini, diğerine fedaya kadar varır... En mühim siyasî bir mevzu hakkında en ciddi görüşlerini söylerken birdenbire edib gözü canlanır, sesi degişir, derhal bir mutaraza açar bir inceliği, bir hususiyeti sanatkâr ruhile bulur ve çıplaklığıle o bunu mutlaka bir maksatla ve bir netice arayarak yapmaz, tabii olarak yapar, her sanatkâr gibi ruhunun o anda o buluşdan duyduğu heyecanla yapar... ruhunun samimiyetile yapar... Aylazın farzımahal olarak, hayatt her şeyi kayb edebieceleğini tavavvur edebiliriz fskat edibliğini asla.. Hususi ve siyasi hayatında bin bir fırtınadan geçmiş olan Ayaz daima sanatile baş başa kalmıştır. Hapis hanede, sürgçnde, kaçarak gazdiği ecnebi memleketlerde yahutta Rusyada ğizli yaşadığı yerlerde, muhacirlikte, Finlandiyada, Pariste, Berlinde, İstanbulda.. Her tarafta hangi vaziyette olursa olsun onun ruhu daima sanata kavuşarak rahatlanmıştır. Bazen bir eserini bir kaç memlekette, bir birine tamamile zıt şartlar içinde temamlamıştır. Bu onunda her sanatkâr gibi hayatın tışile yaşamadığını, ruhunun daima sanatile, canlandırmakta olduğu eserile titrediğini göstérir... Hürriyeti hürriyete [esir olanlar yarattıkları gibi yüksek san'at eserleri de ruhlarını onun hakimiyetinden kurtaramayanlar tarafından canlandırılmışlardır, Ateşden sıcaklığı, nurdan aydınlıgı, eşyadan gölgeyi, vucuttan ruhu ayırmak nasıl mümkün değilse sanatkâr doğmuş, sanatile yoğrulmuş ve bu ilâhi kudretle medeniyet dünyasında fikirin, yüreğin yüksek ilhamlarını canlandırmış olan ediblerinde, rollerinin, istidatlarının tesirlerinden kurtulmaları kabil değildir. Hayat, hayatın fırtınaları, açılan, ufuklar, ograşılan işler sanatkârların ruhuna ancak yeni mevzular, yeni ilhamlar verirler...

Ayaz „Eve doğru" eserini harbi umumide Alamanlara esir düşmüş olan Kazan Türklerinin Türkiyeyi müdafaa için gönüllü olarak İrak cebhesine koşmalarından ilham alarak yazdı. Bunu ondan kimse istemediği gibi kimse de o mevzudan bir edebi eser yaratmağa kalkışmamıştı. Ayazı mevzu sarsdı, heyecanlandırdı ve kendi hayatı en müşkül şaraitte geçerken o her şeyi unutarak eserini canlandırmak için çırpındı.

Neden başkaları yapmadılar... edib olmadıklarından... Neden Ayaz yaptı... edib doğmuş oldugundan ve ondan kurtulamadıgından... Zaten Kazan edebiyatının bu büyük işcisi kalemide, edebiyatıda kendi içinden gelen ilhamle bulmamişmı idi?... Sanattan gelen bu ilhamdan o hapishanede, menfada, hiç bir tarafta kurtulamadığı gibi ne mühaceret ve ne de siyasî mücahedeler onu bundan ayıramayacakdır. Bütün bu büyük ve tarihî yol onun edebi hayatına daha geniş ufuklar açacak, daha yüksek mevzular verecek, daha tarihî tipler yarattıracaktır. Yüksek sanatkâr doğanlardan eserlerini yakanlar görüldü fakat içlerinden gelen ilhame boyun egmekten kurtula bilenleri görülmedi. Onlar çucuklarını unutabilirler, fakat onları yaratmamak ellerinde değildir.

Daima halkın hayatından mevzu alan Ayazın yurttan oksüz kalmasının onun edebi çalışmasında iz kaldırabileceğini kabul bile etsek bu ancak şekli, tarzi, rengi degiştirebilir. Onun sanatının dayandığı heyecana yüksek ruhî kudrete halel getiremiyecektir.

Ayazın agarmış başının bayazlıgının artması ise, olsa olsa onun manevi evlatlarını daha büyük şefkatle, daha yüksek ihtimamla, büyütmesine yarayacaktır. edebiyatının dününe bakarken Ayazın eserlerile açtığı nurlu mektebde sevimli çehreleri, canlı sözleri, fedakâr ruhlarile canlanan halkla, inkılâbci büyük bir aileyi buluyoruz. Yarına bakarken de bunlara sanatta, siyasette ölmez işler bırakanların koşulduğunu göreceğiz... Sanatın ilâhi kudretle canlandırılan bu nurlu kafileye Abdullah Tokay, Gafurî Fatih, Emir han, Ali Asgar Kemal, Fatih Kerimi... Ve diğerlerinin evlatlarıda geliyor...

Edil-Ural hayatını medeniyete, yüksekliğe götüren, bu nurlu kafile tarihin kara sahifesini sildiler bunlar zulmetin daima nura mağlub olduğunu isbat ediyorlar... Kazanın bu yüksek sanatkâr evlatlarının yakdıkları Kazan edebiyat çırağı cihan medeniyet mabedinde sönmez ilâhi bir meş'ale olarak ebediyeti selâmlıyor... Ne mutlu Ayazaki hak ve medeniyet, halk ve yurt faciasile çırpınırken eriyen, yanan ruhunun ateşini sanat örsunde kullanarak onu zulmetin, vahşetin, zemanin yıkamayacaği ebediliğe nail etti.

Benim, hatta bizim Ayazı tebrikimize ne hacet, onu ebediyet kutluladı...

M. Ç.

Beyinleri altüstolmuş insanlar

Okurlarımız, bu nushamızın başka bir yerinde, Milyukof'un Rus Demokrat Birligi tarafından tertib edilerek, bir müddet evvel Paris'de verilmiş bulunan Abatsiyev'in konfransına aid bir malumat bulacaklardır. Konfransci—dağlı, osetin olub Milyukofcu rus demokratlarına mensubdır ve "mlodorus hakıkatına" inanan S. Hatayev nam başka bir osetinle beraber şimalîkafkasya muhaceretinin aktiv rus hakim devletciler cephesine vermiş olduğu yegâne sermayeyi teşkil etmektedir. Bir çok hakimdevletcilerin mahkûm milletler mümessillerini kandırmak için ileri sürdükleri muhtelif cinsten „emperatorluk" zihniyetinin şimalî kafkasya muhitine ne derece yabancı olduğunu bu kısık rakam, açık ve kanaatbahş bir şekilde göstermege kâfidir.

Mevzuu bahs konfrans, Abatsiyev'in ilk çıkışı değildir. 1929—de teşkil ettiği ve Milyukof Rus Demokrat Birliginin Kafkasya şubesi gibi telakki edilen „Kafkasya milletler ittihadı" nda o buna benzer bir konfrans vermisti. Bu konfrans, netice itibarile tam bir muvaffakiyetsizlige uğradı. Konfrasci değil bir kimseyi ikna etmege, hatta bir kaç kafkasyalıyı (2—3 osetin, 1 inguş ve 2 ermeni) etrafına toplıyan „Kafkasya milletleri ittihadı" nı bile yaşatmağa muvaffak olamadı, „ittihad" ortadan kayboldu. Kafkasya muhitinde Rus Demokrat Birligi şiarlarını tervic eden Abatsiyev, bu muvaffakıyetsizliginden sonra bir kaç defa da „Posledniye Novosti" (Milyukof'un gazetesi) sayfalarında çıkışta bulundu ise de bir muvaffakiyet kazanamadı. Son konfranstan görüldüğü vechile o, şimdi bile kafkasyalıları Milyukof imanına davet etmek fikrinden vaz geçmiş degildir. Fakat bu sefer, Rus Demokrat Birligi ajanının varmış olduğu keyfî neticeler karşısında konfransa iştirak eden ermeniler bile tahammül gösteremediler. Ermenilerden Camalyan, hayretini saklamıyarak açıkca dedi ki: „yanı başımızda eskide yapıldığı gibi buhranlı zamanlarda bizi terk edüb giden rus ordusu yerine, iki binlik bir müttefik gürcü yahud azerbaycan ordusu olursa bizim için daha iyidir, Kafkasya hatta demokratik Rusya'ya bile güvenemez". („Posl. nov." 2 Nisan 1937).

Konfranscının tezleri ile münakaşa etmek niyetinde degiliz. Yalnız şu kadar söyliyelim ki, Abatsiyev'ler Kafkasyadaki millî fikir inkişafını katiyen durduracak vaziyette degillerdir. Rus namına mevcud bütün şeylere tahammül etmiyen ve Abatsiyev'in „uyanık kafasına" yabancı olan „Millî mistisizm" bugün, değil yalnız geniş halk kütlesini, hatta rus tesirinde bulunmuş münevver zümrenin büyük bir ekseriyetini bile ihate etmiştir. Eskiden rus hakimiyetile mücadele edenlerin kadrosunu esasen milletin „alt" tabakası teşkil ediyor ve bir müddet evvelki mücadele yüksek millî—siyasî idealların tahakkukundan ziyade, ecnebi hakimiyetine karşı tabiî ve insiyakî bir protesto mahiyetini taşiyordu ise, şimdi kütlenin emellerine yolbaşcılık eden ve bu emelleri millî şiarların muntazam bir sistemi haline getiren halkın „üst" tabakası, millî münevverler dahi mücadele ruhile ruhlanmışlardır. En dikkate deger cihet şu ki, kafkasyalılar arasında Abatsiyev'ler parmakla sayılacak kadar azdır. Kafkasya'daki vaziyet bu ciheti pek âlâ göstermektedir. Rusya, eskide olduğu gibi şimdi de, Kafkasya'ya itimad etmemektedir. Kafkasya, bugün eskide olduğu gibi gene de muazzam bir ordu ile doldurulmuştur. Bu ordu içerisinde yerli ehalinin mıktarı ehemmiyetsiz bir yekûn teşkil etmektedir. Mesela Şimalî Kafkasya da kur'a neferinin ancak yüzde 8—10 nisbeti kızıl orduya alınıyor. Kafkasya eskide olduğu gibi bugün de, hâkim rus milletinin mümessili „vâli" ler tarafından idare edilmektedir. En mühimi şuki, Kafkasya'da muhtelif „egintiçi" ler, senelerdenberi „milliyetçilik" le itham oluna gelmişlerdir. Degil yalnız sovyet şeraitinde yetişmiş geniş yeni münevver kütlesi, hatta kızıl Moskva'nın Kafkasya'ya gelmesine yardım eden eski bolşevik kadrosunun mühim bir kısmı bile bu „milliyetçilik" cürmile itham edilmektedirler. Bu hadise, bolşevizmin sosyal mahiyeti ile izah edilemez; çünkü, içtimaî bakımdan daha az parçalanmış bulunan Kafkasya'da bolşevizmin sosyal tecrübeleri nisbeten ehemmiyetsiz bir tahribat yapmıştır. Bunun için dirki, Kafkasya'da „burjua milliyetçiligi" ile mücadele, haddi zatında umum ittihad komünist fırkası içerisinde münferid şahıslara karşı degil, gittikce daha fazla artan millî hamleye müteveccih bir mücadeledir.

İşte bütün bunları nazara alarak, bir daha tekrar ediyoruz ki, konfranscı ile münakaşaya girişmek fikrinde olmadığımız gibi, onun Rusya'nın „emperatorluk" kuruluşu gibi çürük bir ide üzerine kurduğu konfrans neticelerini dahi doğrultmak arzusunda degiliz. Bizi alakadar eden, iftira ve buhtanla dolu konfrans değil, bilakis konfranscının kendisi, daha doğrusu geniş toplayıcı manasile konfranscılar, yanı şu ve ya bu suretle aktif rustaraftarlığı cephesinde duran ve bizleri Milyukof ve Kâzım Bekler cephesine sürüklemek istiyenlerdir. Konfransda münakaşaya iştirak eden kafkasyalılardan biri Abatsiyev'i „beyni altüst olmuş" bir adam diye tavsif etmişti. İşte bizi de bu, yani rus olmayub da rus hakim devletçilik zihniyetini ağzı köpüklü çıkışlarla müdafaa eden insanların „beyinlerinin alt üst oluşu" keyfiyeti alakadar etmektedir. Bu hadise, rus kültür ve rus terbiye sisteminin Rusya esaretine düşmek bahtsızlığına uğrıyarak orada yaşayan milletler üzerindeki feci tesirini bir dahi göstermesi itibarile şayani dikkttır.

Rus işgal kuvvetlerile aktif bir surette teşriki mesai etmek işi—Kafkasya'da yeni bir hadise değildir. Rus kuvvetleri Kafkasya'yi işgal ederken, yerli adamlardan ehemmiyetli derecede istifade etmişlerdir. „Mütercimler", „kılavuzlar", „milisler", „dağlı kumandaları" v. s. — hep Kafkasya yerlilerinden vücude getiriliyordu. Şunu da kaydedelim ki ozamanki azğınlarla bugünkü Milyukof, Kâzım Bek v. d. nin bayrağı altına sığınmış „rus emperyalizminin gönüllüleri" arasında bir benzeyiş olmakla beraber, aralarında ehemmiyetli ve esaslı bir fark ta yok degildir.

O zamanlar rus cephesindeki azğınlar, kelimenin tam manasile bir azğın idiler. Onlar Rusya'ya sadakat ve imanla hizmet ederken, kendi vatanlarına verdikleri zararı müdrik ve meş'ur idiler. Onlar için şahsî menfaat, müşterek millî fayda ve hayrın üstünde idi. Onlar Rusya'ya kendi menfaatleri için hizmet ediyorlardı. Rütbe, nişan, para ve milletin zararına olarak erazi „peşkeş çekmek", Rusya'nın yardımile amansız düşmandan intikam almak v. s gibi amillerdirki Kafkasya'da rus imperyalizmi ile şiddetli mücadele esnasında bu kabil azğınların zuhuruna sebebiyet vermişti. Bir daha tekrar ediyoruz, o zaman muhitımizdeki rustaraftarlığı yapanlar Kafkasya'ya yaptıkları fenalığı pek iyi anlıyorlardı. Dahası var: onlar temamen rus ruhuna yabancı idiler. Rusya'ya hizmet etmekle beraber onlar rus milletinden uzak bulunuyor ve ona karşı ihtiyatkâr davranıyorlardi. Rus milleti onların gözünde, tıpkı Rusya'ya karşı mücadele edenler için olduğu gibi, alışılmış, an'anevî yaşayış tarzını bozan, hayata ayğırı ve yabancı bir ruh sokan menfur „donsuzların evlâdı", gâvurlar'dan başka bir şey değildi. Onlar rus kültürü karşısında ancak zaruret tahtında boyun egiyorlardı. XIX ci asır Azerbaycan şairlerinden Seyid Azim Şirvanî „Üç dil" nam bir manzu mesinde şöyle diyordu:

Bizimçin lâmuhala üç dilin talimi lazımdır,
Biri ilmi—arabdır ki, bilek manayi—Kur'anı
Biri vacib bize bilmek vatanda söylenen dildir,
Gerektir metlebe biz eyliyek türkiyle unvanı.
Biri hem rusidir kim, bilmeyi bizlere lazımdır
Ticaretçin bilek, hem derk edek kununu—divanı.

Umumemperatorluk zihniyeti ise, o zamanki azğınlara büsbütün yabancı idi. Bu ruhî yabancılığı, Kafkasya'nın işğalından sonraki ilk on senede rus mekteblerinden çıkan ve şu ve ya bu suretle rus emperatorluk vazifelerini yapmak mecburiyetinde bulunan o zamanki Kafkasya münevver neslinin ekseriyetinde de görmek mümkündür.

Abatsiyev ve Hatayevlerin, yani harbten evvelki ve sonraki muhitten yetişmiş bulunan şahısların ruslarla teşriki mesaisi ise temamen başka bir karaktet taşımaktadır. Bu gibi hallerde biz ekseriyette „altüsolmuş beyinler" le ve rus muhitinin tesiri neticesinde hüsule gelmiş ruha aid marezî bir degişiklikle karşılaşıyoruz. Bu gibiler için maddî menfaat işi, kafkasya harbleri zamanındaki dönmeler için olduğu gibi, ehemmiyetli bir rol oynamıyor. Bugün rusçuluk yapmakla geçinenlerin hepsi „Osetiya'nın hâkimi" yahud mesela Kutayis viilayetinin „valisi" olmak emelini beslemiyor ve tervic ettikleri „emperatorluk" zihniyetinin tahakkuku neticesinde kendilerine müstesna bir fayda teminini beklemiyorlardır. Bu adamların ekseriyeti açıkca tervic ettikleri fikre samimî olarak inanmış bulunuyorlar. Onlar, değil yalnız Rusya'nın „büyük ve bol" bir memleket oluşuna, hatta bu ülkede „nizam" olduğuna da samimiyetle inanıyorlar. „Rus edebiyatı'nın, „rus baleti"nin, „rus musiki"sinin, bir sözle, „rus namına ne varsa" hepsinin „her şeyin fevkinde" olduğuna inanıyorlar. İlovayski'nin tarih kitabi onlara ilham veriyor. Vertinski'nin hüzün verici romanslarının sesini duyunca önlardan bir çoğu „hayal deryasına dalıyor" ve „vatana hasret çekmege" başlıyorlar. Yüz yıllık ölüm merasimi yeni hâkim devletçilik hissinin kabarmasına ve ruslaştırma işinin kuvvet kesbetmesine vesile olan Puşkin'i (ki eserleri „rustan olmiyanların „diline bozuk bir şekilde tercüme edilerek, milyonlarca nusha tabedilmiş ve rus emperatorluk fikrini terennüm eden şair „sovyet milletinin şairi" ve bugünkü bolşevik „milletler müsavatı'nın mübeşşiri olarak gösterilmektedir)*), onlar şairin yurddaşlarile ses sese vererek beşeriyete yeni telakkiler veren cihanşumul ehemmiyeti haiz bir şahsiyet gibi tanımağa amadedirler. Onlar bir türlü anlayamiyorlar ki, rus şiirinin büyük üstadı, rus şiirinin bânisi (ancak rus) Rusya'da rejimin „içtimaî siparişine" (şimdiki sovyet edebiyatı dahi onun izile yürümektedir) göre yazı yazan tek dâhi bir adamdır ve kendi „cihanşumul mevzu" larında o Garbî Avrupa fikirlerini taklid etmekten ileri gidemiyerek ancak millî-rus, şairi olarak kalmıştır.

Bizim muhitimizde bulunan bugünkü rus dostları, hadiseleri kendi millî menfaatleri bakımından takdir ede bilecek vaziyette degillerdir. Onlar hatta bitaraf

---

*) Yeri gelmişken şunu da kaydedelimki, Puşkin Kafkasya'da bulunurken oradan kardeşine şunları yazıyordu: „Kafkasya ülkesi Asya'nın hudududur, her hususta şayani dikkattır. Ermolof (mezalimile meşhur Kafkasya rus ordusu kumandanı dır—M. Ç.), Kafkasyayi kendi ismi ve faydalı bir deha ile doldurmuştur. Vahşi çerkesler ürkmüşlerdir: eski ayğırılıkları kalkmak üzredir. Yollar gittikce emin bir hale geliyor, sayısız muhafizler artık lüzumsuzdur. Ümid edelimki şimdiye kadar Rusya'ya hiç bir ehemmiyetli faydası tokunmamış olan bu işgal edilmiş ülke bu yakın zamanlarda bizi tehlikesiz bir ticaretle İranlılara yaklaştıracak, müstakbel harblerde engel olmıyacak ve belki de Napoleon'un Hindustan'ı feth etmek planı bizim için kabili tahakkuk olacaktır". İşte görüldüğü vechile bütün söylenenler muasir rus emperyalizminin bânisi I Petro'nun reçetesi üzerinedir.

bir müşahidin objektifligine bile müstaid degillerdir. Onlar her şeye ancak rus gözlügü ile baka bilirler. Kendinin olan her şey onun için — „vahşet", „bozukluk", rusa aid olan şeyler ise—„kemalin zirvesi"dir. Muasir rusdostu, şuurlu olarak büyük bir tehlike olan asimilasyona doğru gitmektedir. O asimile edilecekinden hiç te korkmuyor, zira eski azğınlarda görülen rus ruhunun her türlü teza hürüne karşı bir tiksinti hisemiyor. Bu gibilerde rusdostluğu—uzvî bir hadisedir, onlar ruhen rus milletine mensub sayılırlar. Rus kültürü onlarda, gerek maddî ve gerekse manevî asimilasyona karşı milyonlarca halka mukavemet etmek imkânını bahş eden millî esasları temamile söndürmüştür.

Bir sual karşısındayız: kimi tercih etmeli—eski azğınlarımı yoksa „beyni altüst olmuş" şahisleri, bugünkü koyu rusdostlarınımı? Allah her ikisinden bizi muhafaza etsin, lâkin bir intihab karşısında kalırsak, biz hiç şüphesiz birincileri tercih ederiz. Milletını esir edenle ruhen kaynaşmamış her azğın, kendinden sonra gelecek nesillerde bir vatanperver verebilir. Buna mukabil bugünkü Hatayev'ler kendilerinden sonraki nesillerde bize artık „rus adamları", tam manasile bir Kâzım Bek vereceklerdir.

„Milyukofçu"nun konfransında

Martın 30-da Paris'de Cografya Cemiyeti binasında M. Abatsiyev, „Kafkasya milletlerinin tesanüdü idesi" mevzuunda bir konfrans vermiştir.

Abatsiyev'in konfransı, P. N. Milyukof'un idare ettigi Rus demokrat birligi tarafından tertib edilen bir sıra siyasî çıkışlardan biridir. İhtimal, Abatsiyev kafkasyalı olduğu, konfrans mevzuu olarak kafkasya mes'elesini intihab ettigi için ve gazete ilanları konfransa P. N. Milyukof'un riyaset edecegini bildirdigi için olacak ki konfransa ekseriyeti rus olmak üzre epeyi dinleyici gelmişti. Bilakis kafkasyalı dinleyici çok azdi ve kafkasyalılar Abatıyev'in çıkışını açıkca boykot ettiler. Buna rağmen Abatsiyev, degil yalnız kafkasyalı, hatta rus dinleyicilerini dahi inkisari hayale uğrattı. Konfrasçının ademi muvaffakiyetinin sebebi de, konfransını bir parçada olsa vak'alere değil, açıkca demagojiye dayandırdığıdır.

Evet, konfransının mühim kısmını Dağıstandaki işitilmemiş vahşet ve barbarlık vak'alerine tahsis eden Abatsiyev, bu işi yaparken Dağıstanın çok eski geçmişinde bu barbarlığın ehemmiyetsiz vak'alerini dikkatle arıyor ve bütün söylediklerini meçhul, şüpheli menbalere dayandırarak Dağıstan'ın maruf felsefe ve ilahiyat kültürü ve dağıstanlıların meşhur el işi bediî san'atlarından bir kelime ile olsun bahs etmedi.

Kafkasya hakkında hiç bir malumatı olmıyan bir dinleyicinin Abatsiyev'in konfransından çıkarabilecegi netice ancak şöyle ola bilirdi: Kafkasya, daima biri birine muhasim barbarlarla meskûn, oldukca vahşi bir ülkedir. Kafkasya milletleri arasında kültür eseri, nizam ve tesanüd, ancak rus hakimiyetinin Kafkasya'da başlamasından sonra kendini göstermiştir. Rusya'ya karşı açılan harbde çıkan maruf Şimalî Kafkasya yolbaşcıları ise, şimalî kafkasyalıları ölüme götüren kör, din mütaassiblerinden başka bir şey degillerdi.

O zamanlar kafkasya dağlıları için vaziyet şu idi: ya Rusya'ya teslim olmak, yahutta müsavî olmıyan biri harbde mahvolmak! Meselâ çerkeslerin adîge kabilesi, şuurlu olarak ikinci yolu intihab etti ve cezasını çekerek epeyi zarar gördü.

Kafkasya'da rus hakimiyetinin yerleşmesile ülkeye maarif, inkişaf ve iyi bir hayat girdi ve konfransçının fikrince, şimdi Rusya'yı, düşman olan devletler tarafından vücude getirilüb idare edilen muhtelif maceracu millî cereyanlar bütün bunları tahrib etmege ve bu „nimetleri" kaldırmağa çalışıyor. Konfransçı Kafkasya milletleri için müstakil bir devlet varlığı, imkânını kökünden inkâr ediyor ve kafkasya milletleri nin biri birinden ruh, tarih ve hatta muhat bulunduklartabiat itibarile temamen ayrı olduklarını iddea ediyor. Kafkasya'lılar hatta ihtilâldan sonra bile birleşemediler ve bu husustaki müzakereleri hiç bir müsbet netice veremedi. Konfranscı kendi beyanatını teyid çin mütemadiyen prof. Avalov'un „Müstakil Gürcütan"nam kitabına müracaat ediyor. Dinleyiciler arasından sesler yükseliyor: konfransci bu kitabi kendine incil intihab etmesin? (gülüşler; umumiyetle salonda gülüşün arası kesilmiyor).

Abatsiyev'e göre, milliyetciligin tezahürü sivilizasyon için büyük bir zarardır. Misal olarak da Almanya, İtalya ve Lehistan'i zikr ediyor. Fikrince, Lehistan, millî azlıklara hiç te tahammül edemiyen bir devletmiş. Anlaşılan konfransci bu beyanatile rus muhacereti dahilinde en fazla leh aleyhdarlığı yapan patronu Milyukof ve etrafına yaranmak istemiştir.

Konfranscı diyorki:—dünya tazyikten vaz geçinceye kadar küçük milletler istiklâlı tahayyül bile etmemelidirler. Mademki Kafkasyalılar kendilerine bir efendi intihab etmek mecburiyetindedirler, Abatsiyev'e göre, bizim için en iyi efendi ruslardır.

Kafkasya siyasî tefekkür ve faaliyetinin nasıl cereyan etmesi yollarını gösteren bir adam rolunu takınan nevi kendine mahsus bu „reculun" vardığı netice işte budur.

Münakaşa, konfranscının keyfini kaçırdı. Münakaşaya iştirak edenler biri biri arkasınca, zahmetsizce konfranscının demagojik beyanatlarını çürütüyorlardı.

Kafkasyalılardan knyaz David Vaçnadze, Gabaşvili ve Cemalyan çıkışta bulundu. Bunların üçü de söz götürmez tarihî vak'alere dayanarak, kafkasya kültürünün rus kültürüne nazaran daha kadim bir kültür olduğunu, bilakis bilâ istisna bütün kafkasya milletleri için Rus hakimiyet ve tesirinin imha edici bir darbe olduğunu açıkca isbat ettiler.

Knyaz Vaçnadze haklı olarak konfranscıyı kaba bir tarafgirlikle itham etti ve dediki:

Abatsiyev rus cemiyetini kendi vatanile objektif bir surette aşına edecegine, kendi vatanına ve kültürüne iftira etmekle meşgul oldu. Meselâ, münevver gürcü ve ermeniler, İncil v. s. dinî eserleri kendi dillerine tercüme ettikleri zamanlarda rus devletçiligi ortada bile yok idi.

Yahud, dağlılar gerek ruh ve gerekse askerî meharet itibarile ruslardan üstün olmasalardı Şimalî Kafkasya Rusya'ya karşı takriben yüz yıl müddetince nasıl mukavemet ede bilirdi.

Natikler bundan sonra Rusya'nın Kafkasya'daki parçalama ve ayırma siyasetini tafsilatile tasvir ettiler. Bunlardan biri dediki: ruslar „kafkasyalıların

beynini bile altüst ettiler" ve netice de konfranscı gibi kendi millî şuurunu temamile kaybetmiş kafkasyalılar ortaya çıktı.

Ermeni ileri gelenlerinden Cemalyan'ın çıkışı rus dinleyicilerine bilhassa kuvvetli bir tesir yaptı. Cemalyan hararetli beyanatında dediki: kafkasyalılar için bulundukları vaz'iyetten çıkmanın tek çaresi onların sıkı surette birleşmek ve ortaklı kurtuluşları yolunda müşterek ve kati mücadeleye atılmaktır. Cemalyan, Ermenistan'ın talisizligini ve felaketini vatanının sözünü tutmaz Rusyaya ümid bağladığında görmektedir.

Münakaşaya iştirak eden ruslar, garib konfransın bıraktığı nâhoş tesiri izaleye çalıştılar.

Konfransa riyaset eden Milyukof, toplantıya kısa bir netice ile nihayet verdi. Hatta Milyukof bile konfranscıdan farklı olarak, rusların Kafkasya'daki geçmiş hakimiyetlerinde bir çok fena cihetler olduğunu itiraf etmek mecburiyetinde kaldı ise de, kafkasyalılara kendi mukadderatlarını sözüne inanılmasını tavsiye ettigi rus demokrasısına bağlamalarını teklif etmekten de kendisini alamadı.

Dinleyicilerden biri.

M. Ç.

„SSSR DE ÖLÜM KARARAĞHLARI"*)

Dönmiyenlerden çekist Agabekofun vaktile kendisinden çok bahsedilen „tövbesi" muayyen bir provakasyon kokusu veriyordu ise, gene sabik bir çekist olan Kiselev-Gromov adında birinin Solovki adile maruf Sovyet sürgün yerini tasvir eden ve yeni intişar etmiş olan eseri hakkında böyle bir fikir ileri sürülemez. Sovyet kısaltmasında sâdece SLON, resmen ise Birleştirilmiş siyasî idarenin fevkalâde işlere mahsus şimal karargâhları — OGPU SLON (aynen: Severnıye lageri osobogo naznaçenia Ob'ediniormogo gosudarstevennogo politiçeskogo upravlenia) adını taşıyan sürgün yerlerine tahsis edilmiş ve „SSSR de ölüm karargâhları" başlıklı kitabda müellif, hiyleye müracaat etmeden gördüğü her şeyl yazmaktadır. Gördükleri ise çoktur. SLON daki yüz binlerle mahkûmların her birinden daha çok şeyler görmek imkânındadır. Çünkü, 1920 den itibaren çekist olarak çalışan müellif, ilave olarak SLONun çekist muhafaza alayında üç yıl kumanda mevkiinde bulunmuştur ve bu suretle GPU-nun esrar mahzenlerine girmek iktidarında olmuştur.

Bu sabık çekistin ifşaatile ilk önce, safdilane körlük eseri olarak „Sovyet humanizmine" inanan ve bolşevik rejiminde demokratik hürriyetlerin teminatini gören Avrupanın liberal mehafili tanış olmalıdır. Sovyet rejimine ve onun dayağı rusa has olan vahşet ve barbarlığın delillerinden birini teşkil eden bu kitabı bolşevizm ve Rusya aleyhdarları dahi okumalıdırlar.

Kiselev-Gromovun eserinin çok kısmı SLON daki rejime tahsis edilmiştir. Bu rejim mahkûmları mahvetmek kastini güden icad edilmiş souk bir vahşetten ibarettir. Muharririn salahiyettar tasvirile mahkûmların yaşayışından alınma tablolar Sovyet çarlığındaki tüyler örperten mezalimi canlandırıyorlar. Mahkûmların heyeti dahi hüküm süren kanunsuzluğu ifadeye kâfidir. Muharrir bu mahkûmları dört katogoriye ayırıyor: nepmanlar, köylüler, ka-erler (Kontrrevolusionerler) ve „saire." Nepman denilen unsur Nep'in (yeni iktisadî siyasetin) ilani üzerine 1921 de, SSSR de câri kanunlar dairesinde, hususî müesseselerini kurub namuslu emeğe girişmiş olan ferdî iş sahibleridir. Bilâhere bunların hepsi „ictimaî-tehlikeli unsur" addedilerek SLONa gönderilmiştir. Bu „nepman" ailelerinden birinin başına gelen karakteristik hadiseyi muharrir şöyle anlatıyor: Kiselev-Gromov, 1930 senesinin Haziranında Fin hududuna yakın bir yerde yapılmakta olan demir yolunda çalışan 16 yaşında Fadeef nam mahkûme SLONa niçin sürüldüğünü sormuş, çocuk da gözleri yaşla dolu olduğu halde şu cavabı vermiştir:

„Bilmiyorum, vatandaş müdür, babamın cildçi iş evi vardı; orada babam, anam, iki işçi bir de ben çalışıyordum. Maliye şubesi babama ağır bir verği gönderdi. Onu babam veremedi. Bu iş üste OGPU babamı tevkif etti, Sonra anamı OGPU ye çağırıb kazandığımız paraları nerede gizlettiğimizi sordular. Anam, cildçi dükânımızın küçük olduğunu, 5 adam çalıştığını, hayatımızı zorla kazandığımızı, maliye şubesinin istediği parayı ise hayatımızda görmediğimizi söyledi. Başlangıçta anamı hapsetmediler, bir müddet sonra Moskvadan babamın 5 yıl mahkûmiyetle Solovkiye sürüldüğü haberi geldikten sonra anamı da tevkif edib üç yıl müddetle SLONa gönderdiler. Bamla anamın burada çalıştıkları yeri bilmiyorum. Babamla anamı Solovkiye sürdükten sonra evimize iki OGPU iki de maliye şubesi memuru geldi. Evimizi ve cildçi dükânımızı mühirlediler ve bana da tanışların yanına gitmemi emrettiler. İptidade halamda kaldım, lakin bir az geçmeden, bazarda kumaş sattığı için onu da tutub üç yıl müddetle Solovkiye sürdüler. Ben de büyük anneme gittim. O başka şehirde yaşıyordu. Yol ayrıcı bir istasyonda adamlardan ekmek dilenmeğe başladım; demir yolu GPU memuru bana yaklaşıb tevkif etti. İki hafta mahbeste kaldıktan sonra beni Solovkiye gönderdiler. Bilmem kaç seneye. Vatandaş-müdür, mahkûmiyet müddetimi ve niçin sürüldügümü belki siz biliyorsunuz?"

Kiselev devam ederek diyor, ki: „işini arayıb buldum ve ona, OGPU yanındaki hususî müşavere tarafından, ictimaî—tehlikeli unsur olduğu için iki yıla mahkûm edilmiş olduğunu söyledim. O bana, içtimaî—tehlikeli unsurun ne demek olduğunu sordu"...

Solovkide bulunan nepmanlardan ekserisinin sürgün tarihleri hep bu şekildedir. Kiselevin yazdığına göre bu nepmanların biricik suçları, Sovyet hükûmetinin orta ve ufak emlak ve müesserelerin denasyonalize edilmesine (yâni eski sahiblerine iadesine) aid dekrete dayanarak emlaklarının kendilerine verilmesi hususunda müracaatte bulunduklarından

*) N. İ. Kiselev-Gromov—„Lageri smerti v SSSR", N. M. Malinovski neşriyatı, Şanhay 1936.

ibarettir. Netice itibarile hiç bir şey almıyan bu nepmanlar SLON yolunu boylamışlar.

Mahkûmların ikinci grupunu köylüler teşkil eder. Bunlar da ekseriyetleri itibarile kollektivizenin kurbanlarıdır.

Bunları Ka—Er'ler (yâni, kontr revolusionerler) takib eder. Bu grup en büyük gruplardan biridir.

Muharrir diyor, ki:

„OGPU Ka—erleri şöyle tarif ediyor: Denikin, Kolçak, Vrangel, Yudeniç, Petlura ve başka antibolşevik ordularda hizmet etmiş olanlar; çarlık hakimiyeti devrinde hizmette bulunmuş olanlar: küçük zabitler, unter—ofiserler, rütbelerin hepsini ihtiva eden hakikî zabitler, memurlar, muhtarlar ve atamanlar, polisler, mahkeme hakimleri, avukatlar, fabrikantlar, apartıman sahibleri, hudud haricinde akrabası bulunan adamlar; muhaciretten avdet etmiş olanlar; „ak—yeşil" çetelerde bulunmuş olanlar (Sovyet hükûmeti tarafından muayyen dekretle affiumumiye tâbi tutulmuş olsalar da); keşişler, mollalar, monahlar ve ilh."

Müellif „bunlar niçin oturuyorlar?" diye vaz'ettiği sorguya gene kendisi şöyle cavab veriyor:

— Yazılı sovyet kanunlarını nazara alacak olursak ve OGPU nun faaliyetine mesned teşkil eden yazılmamış kanunlara ehemmiyet vermezsek — bu adamlar sebebsiz oturuyorlar.

Varşavada Sovyet sefiri Voykofun katlinden sonra SLONa bu katil hadisesile hiç bir münasebeti olmıyan 18.956 „voykofçi" sürülmüştür."

Nihayet, dördüncü grupu „saire" teşkil etmektedir. Bu grupa muhtelif „cinayetlerle" itham edilen adamlar dahildir, meselâ; „sui niyetli" anekdot anlatanlar; evlerinden aldıkları kollektivizeden şikâyet eden mektubları kışlada açıkca herkese okuyan askerler; OGPU ajanı olmaktan boyun kaçıranlar ve ilh... ve ilh...

Lüzumunda „işi" GPU kendisi uyduruyor. Böyle bir cinayet „icadına" misal olmak üzre kitabda şunu okuyoruz:

„1926 de tugla ve keramik imalathaneleri inşası için SLONa bir mühendis-keramik lâzım oldu. Mahkûmlar arasında böyle bir mütehassis bulunamadı. Ona göre USLON (SLON idaresi—M. Ç.) ihtisas dairesinden böyle birisinin gönderilmesini istedi ve bir ay sonra Fedor Grigoryeviç Holodni adında bir mühendis — keramik geldi. Mahkûmiyet müddeti 5 yıl olan bu mühendis banditizm için cezalandırılıyordu. Onunla birlikte, „şeriki cürm" olmak üzre karısı da gelmişti. Holodni ailesine banditizm „yamamak" çok kolaylıkla mümkün olmuştu: mühendis Holodninin oturduğu binada vaktile beyaz bir zabit yaşıyormuş..."

Milyonlar teşkil eden „ziyançılar" kitlesi (ki, son muhakemelerden sonra içlerine eski bolşevikler dahi katılmıştır) imhaya mahkûm edilmişlerdir. Bunlar SLON da öldükce OGPU yeni „ziyançılar" kafilesi yakalıyarak SLONa gönderiyor.

Bu ameliyat çok sür'atle devam ediyor, çünkü mahkûmlar arasında ölüm nisbeti çok yüksektir. SLON daki rejim mahkûmların çapuk ölmeleri prensipi üzerine kurulmuştur. Ölüm, mahkûmlar daha sürgün yerine yetişmeden yolda başlıyor.

Müellif diyor, ki:

„Ben bir kaç defa sevkiyata mahsus hapishaneleri ziyaret ettim ve mahbusların ne müthiş şeraitte yaşadıklarına şahid oldum. Hepsi çemento yerde birbirine sıkılmış bir vaz'iyette uzanıyorlardı. Kameralarda ne karyola, ne masa, ne de sandalya vardı. Buna mukabil „ref'i ihtiyac" için agaçtan büyük bir kab duruyordu. Dözülmez bir ufunet ve kir."

Kafkasyadan veyahud başka uzak bir mahelden sürülen mahkûmların bulundukları vagonlarda vaz'iyet daha berbattır.

„Kışın yük vagonlarında tahammül edilmez souk hüküm sürüyor, çünkü bu vagonlarda soba yoktur; lampa ve mum verilmediği için göz gözü görmez bir karanlık vardır. Etraf kir ve çamur içinde, en mühimmi ise hareket edilmiyecek derecede sıkıntılıdır, oturmak ve uzanmak için hiç bir şey yok, mahkûmlar bütün yolu ayakta durmağa mecburdurlar; darıskal olduğu için oturmak imkânsızdır: yük vagonuna 60-er adam sıkıştırıyorlar. Yolçuluk esnasında mahkûmlara dışarı çıkıb abdest bozmak yasak olduğu için, hareketten evvel vagona eski bir vedre atıyorlar.

Sık-sık gördügüm manzaralardan birini anlatayım: Murman demir yolunun 2—3 memurdan başka kimse bulunmıyan küçük bir yarım istasyonunda çekistler mahkûmları abdest bozmak ve su yerine kar toplamak için dışarı bırakmağa karar veriyorlar. Mahkûmlar vagonların yanında abdest bozduktan sonra çay kablarına, bardaklarına, eteklerine, kalpaklarına kar toplıyorlar. Bir çokları vagonda iken bulaştırmış oldukları donlarını çıkarıb atıyorlar. „Kimsesizler" bundan sonra tek bir kömlekte kalıyorlar."*)

„Petrograd'dan çıkarken (Şimale, sürgün yerine doğru—M. Ç.) en azı üç gün için her mahkûma birer kilogram kara, yarım pişmiş ve kuru ekmek veriyorlar. Yolda mahkûmlar su ile temin edilmiyorlar. Yolda çekistlere yalvararak su içmeğe müsaade isterlerse çekistler haykırarak diyorlar, ki: „Evde içmedinmi? Dur, Solovkide seni içiririm." Susuzluktan canı agzına gelmiş olan bir mahkûm israr eder ve çekistleri şikâyet etmekle tehdide kalkarsa, onu döğmeğe başlarlar. Bundan sonra ötekiler ses çıkarmadan tahammül ederler."

Mahkûmlar sürgün yerine böyle sevkolunuyor. Fakat bütün bunlar, mahkûmları asıl SLON da bekleyenlere nisbeten ehemmiyetsiz şeylerdir. Kaydettiğimiz gibi SLON eline geçen kurbanları bir daha geri bırakmamağa çalışır. Lakin, kurbanlarını ölüme götürünceye kadar onların bütün şiresini çekiyor, müellifin dediği gibi, onlardan „bir insanın vere bileceği emek mahsulunun tam mıkdarını alıyor."

SLON da mahkûmların çokusu, Murman demir yolu boyunda, hattan 10—150 kilometro mesafede bulunan ormanlarda meşe hazırlamak işinde çalışmalıdırlar. Mahkûmların bir kısmı askerî maksatla yapılan demir yolu inşaatında çalıştırılıyorlar; bâzıları da karargâh mıntakasında başka işler için istifade edilmektedirler. Karargâh mıntakası haricinde yapılan yol ve orman işleri „komandirovka" adını taşıyor.

Bu „komandirovkayı" (izam etme) Kiselev Gromov böyle tasvir etmektedir:

„...İzam etme işi daima geceler icra ediliyor. Kirli ve çamurlu yük vagonları verilinceye kadar on-

---

*) Sovyet hükûmeti „kimsesiz" adile maruf sahibsiz çocukları da Solovkiye göndermek suretile ortadan kaldırıyor.

lar üç, beş saat istasyonda bekliyorlar. Kışın, 40 dereceli soukta yaprak gibi eserek çekistlerin sögüşlerini dinliyorlar. Dörder olarak askerî bir vaz'iyette duracak ve eller yanlarında asılı olacaktır. Vagonlar verilince kuvveti olan kendisi vagona fırlayor, takatsız olanları ise çekistler tüfenk dipçeğile vurarak „oturtuyorlar". Her vagona 60 adam sıkıştırdıktan sonra vagonları kapıyor ve kilidliyorlar. Mahkûm vagonda ne otura bilir, nede uzana bilir. Yol esnasında çekistler mahkûmlara abdest bozmak imkânı vermek veya onları su ile temin etmek gibi işlerle rahatsız olmak istemiyorlar. Mahkûmlar SLONa gelirken icra edilen sahneler tekrar olunuyor.

Yolda mahkûmlara 300 gram ekmekle üç tane tuzlu vobl verilmelidir. Hakikatte ise 200 gram ekmekle 2 vobl verilir. Mütebakısını çekistler „istasyonlarda aç karelilere satarak parasına „rikovka" (vodka) alıyorlar".

İşte —

„Son istasyona geldiler, indiler, yoklandılar.

Kafile reisi haykırıyor: — kafile! haber veriyorum, bir adım sağa, bir adım sola — silahla karşılanacaktır. Kafile. öndeki konvoirin arkasınca marş! —

Hesabsız batakların yazın milyarlarla sinek ve bulut gibi maşkarları tarafından yeyilen, kışın, yâni yılın çok kısmında ise, kuşaga kadar kar içinde yürüyen kafile kalın kareli ormanlarına dalıyor. Çarıklı ayaklarını kardan çıkararak 5, 10, 20, hatta 30 kilometro yol yürüyorlar (kaydettiğimiz gibi „komandirovka" yerleri demir yolundan 150 kilometro uzakda bulunuyorlar—M. Ç.).

Gece olunca, m a h k û m l a r ı n ç e k t i k l e r i v e m a h k û m l e r i t e ş y i e d e n ç e k i s t l e r i n o t u r d u k l a r ı küçük sürütmelerden kafile reisi haykırıyor: (seyreklcştirme bizimdir—M. Ç.).

— Kafile, d u r!

Kafile duruyor.

— Ateş yakınız, karı eşiniz, gecelemeğe hazırlaşınız.

Çekistler için, mahkûmlar, çekistlerin kendilerile birlikte sürütmede getirdikleri portativ çadırlar kuruyorlar; çadıra demir sobayi koyub çekistlere yemek hazırlıyorlar. Kendileri ise karı eridib 200 gram kara ekmekle (eğer kalmışsa) sıcak su içtikten sonra kirli yumrukları başlarının altında olduğu halde üç bükülerek ateş başında geceyi ğeçirmege çalışıyorlar, ayni zamanda karların altından buldukları odunla gerek kendi ocaklarını, gerekse çekistlerin sobasını yandırmakta devam ediyorlar. Sabah olunca gene ayni, „dörder dur! Sagdan sıra ile say"... ve gene—yol derin kar, çekistlerin sürütmeleri ve at yerine onları çeken mahkûmlar".

Her yerde — yollarda, iş esnasında, karargâhlarda—mahkûmları manasız—ağır, insafsız askerî disipline rejime tâbi tutuyorlar. Onlar on defalerle „sagdan sıra ile" saymak ve sadist-çekistin selamına „yüz defalerle „Zdraaa!" diye bağırmak mecburiyetindedirler. Hem de öyle cevab vermek lâzımdır, ki „Solovki de çanlar ötmeli, Leningrad'da eşidilmelidir". Eger çekist görse ki „solovkide çanlar ötmiyor" ve „Leningrad'da eşidilmiyor „selema" bir kaç on defa ve bir kaç yüz defa cevab vermek lazım gelir. Bunlardan başka mahkûmu hesabsiz tahkikata ve taharriyata tâbi tutuyorlar. Vücud iztirabı üzerine mânevî iztirəb dahi ilave olunuyor. Mahkûmların tahkir edilmesi de sovyetlerin ceza hukukuna dahil şartlerden biridir.

„Komandirovka" yerine gelir gelmez mahkûmlar menzil inşasına başlıyorlar. Bundan sonra en korkuncu—yarım aç karınla katorga emeği başlıyor ve insan dilsiz iş hayvanî vaz'iyetine düşürülöyor.

Bu „komandirovka" lardan birini müellif böyle anlatıyor:

„Kalın bir Kareli ormanında, yazın her tarafı bataklıkla çevrilmiş, kışın ise donmuş ve karla örtülmüş bir yerde mahkûmlara mahsus 2—3 barak, nezaretçi çekistlere mahsus bir küçük ev ve bir de „krikuşnik" (yâni: kartser)*) duruyor. Bu SLONun meşe ihzar eden „komandirovka" larınden biridir.

Mahkûmlara mahsus olan menziller (baraklar) ince ve ratib agaçlardan yapılmıştır. Dam yassıdır. Kışın barakta nisbeten sıcak olduğundan damdəki kar eriyib suları mahkûmların başına akıyor.

400—500 mahkûm bulunan barakta 3—4 küçük pencere ve iki küçük demir soba vardır. Oturmak için ne sandalya, ne masa, ne de başka vesait vardır. Bardaklar, kaşıklar, çay kabları, eskilerle dolu sandıklar mahkûmun yattığı yerde duruyorlar. Kir çamur, dözülmez bir ufunet, bit, tahta kurusu, souk... Baraklarda ufunet o kadar şiddetlidir, ki nezaretçi çekistler kat'iyen oraya girmiyorlar. 400—500 kişilik bir barakta iki küçücük lampa yanıyor. Lampaların şişesi yoktur. Dnevallar daima fitili çekmelidirler, aksi takdirde lampa sönür.*) Mahkûm sabahleyin kalkarken burnu tüstü borusuna benziyor. Yıkanmak için kendi bardağını alıb avluya gitmelidir. SLON sabun vermediği için mahkûmun kendi sabunu olmalıdır. Yatak ta verilmiyor, mahkûm elbisesile yatmalıdır. Uyğu esnasında duvarın aralarından içeri giren buz gibi kutub ruzğârı onları donduruyor ve bitler yorgun vücudlarını insafsızca yiyorlar. Souktan yerlerinden fırlayıb demir sobaya koşuyorlar ve bir az ısındıktan sonra gene „yatmağa" gidiyorlar...

Mahkûm gece yarısı abdest bozmak için çıkmak isterse, dnevale müracaat etmelidir, dneval de kapıda duran nezaretçi çekiste haber vermelidir; sonra o mutlaka çırıl-çıplak soyunacak, ancak ondan sonra onu kesici souga bırakırlar. Soyundurmek, firare mâni olmak içindir".

Ve sonra:

„Gece böyle geçiyor. Sabah erkenden ise dnevalin şu sözlerini eşidiyor: „Kurşun gibi işe uç! Ne? Ayrıca davetiyemi bekliyorsun? Drını mı arzuladın?" (drın — degenek manasına. — M. Ç.). Mahkûm „kurşun" gibi dışarıya fırlıyor, karla yıkanıyor, kirli tenceresini alarak pşeno almak için nöbeye koşuyor.

SLON pşenosunu yedikten ve bir bardak sıcak su içtikten sonra mahkûm sıraya duruyor. İlk önce bölük kumandanı tarafından talim alıyorlar. Sonra „komandirovkanın" asıl sahibi geliyor"... Bedbaht

---

*) „Krikuşnik" hakkında bahsedilecektir.—M. Ç.

*) Dneval mahkûmlardan tayin edilmiş „rüesadendir". Umumiyetle SLON da nezaretçi çekistlerden başka mahkûmlardan tayin edilmiş tabur, bölük v. s. kumandanlar vardır. Ekseriyetleri itibarile katillerden ve mahkûm komünistlerden ibaret olan bunlar çekistlerin emrile mahkûmlarla çok zalimane muamele etmelidirler. Aksi takdirde ilk „şakal"lık haline yâni âdî mahkûmlar sırasına idhal edilirler.—M. Ç.

mahkûmların yeniden „talimi" başlıyor. Çekistin „Z d o r o v o, ş a k a l ı!" tarzındaki selamına sonsuz „Z d r r a a" eşidiliyor. Gene „saga", „sola", ğeriye" dönüşler.. Nihayet kafile iş yerine hareket ediyor ve bunun için de çok zaman 10—15 kilometro mesafe kat'ediyorlar. Her mahkûm 35 agac kesib temizlemelidir. Şüphesiz, ki bu büyük „dersi" herkes ikmal edemiyor. Böylelerine karşı cebir başlıyor.

„Çok zaman 10 saat çalışıb bütün kuvvetini sari fettikten sonra mahkûm onbaşıya ve ya nezaretççekiste giderek dersi ikmal etmek imkânında olmadığını söyliyor. O zaman onu döğmeğe başlıyorlar. Bu yardım edemez ve çekist mahkûmun işlemek iktidarında olmadığına kani olursa, yerde kalan dersini başka mahkûmlar arasında taksim ederek kendisini yüksek kötük üstüne çıkarıb: „Ben filan, ben filan. Ben sovyet hükûmetinin parazitiyim!" diye bağırmağa mecbur ediyorlar. Bu sözleri o bâzı çekistlerin huzurunda 500 defa, bâzılerinin huzurunda ise daha çok bağırıyorlar. Vanka Potapof („Ovsianka" mahellinin ceza izamiyesi müdürü, vahşiliğile tanınmış bir çekisttir. Müellif kitabının bir faslını ona ayırarak kendisine „insan cildinde vahşi hayvan" adını vermiştir— M. Ç.) ise 5000 defa bağırmağa icbar ederdi... mahkûm bir taraftan bağırıyor bir taraftan da ağlıyor".

Fakat bu, çekistler nezdinde en yüngül bir ceza olub yalnız işten imtina ederken ağlıyan mahbuslara tatbik olunur. Ağlamayıb da, artık kuvveti olmadığını ve çalışamıyacağını kat'î bir lisanla bildiren mahkûmlarla başka türlü hareket ediyorlar.

Bu hususta müellif diyor, ki:

„Onlarla şiddetle hareket ediyorlar. Buna mahsus muayyen bir savaş ölçüsüy oktur ve her çekist icad ettiği hususî bir usulle hareket ediyor. Çok tekrar edilenlerini anlatayım. Birincisi—ayni zamanda önce tatbik olunan—„Drınovka'dır: çekist var gücile tufek dipçegile, onbaşı ise „Drın", yanı kalın bir degenekle vuruyor. İkıncı—askerî talim usulu ile ceza:

„Hazır ol! Dabanlar bitişik, parmaklar ayrı! Göğüs ileri! Baş yukarı! Kumandamı dinle: Saga! Sola! Geriiiiiye! Yerinde koşarak marş!". Üçünçu usul— „sekizlik üzerinde yürüyüş": nezaretçi çekist onbaşıya emrediyor, ki bir kilometro mesafeyi kar üzerinde yürüyerek bir sekiz rakamı yazsın, bu sekiz üzerinde mahkûm işler bittikten sonra yürümek mecburiyetindedir. Dördüncü usul—soyundurmadır: mahkûma soyunub burnu ile agaca dayanmasını emrediyorlar, böyle, ki kışın agacı su ile islatıyorlar ve burun donarak agaca yapışıyor. Beşinci—„sinek iztirabı"... mahkûm çıplak edilib agaca baklanıyor, böyle ki kanını emen sinekleri kovmak için hareket yapamıyor"...

(Arkası var).

НАРОДАМ КАВКАЗА

19 лет тому назад, в цветущем мае, по горам и долинам Кавказа раздался грохот разбитых чужеземных цепей.

Народы Кавказа единодушно поднимаются во имя свободы и сбрасывают русское ярмо.

Каждая нация, волей исторических судеб раздробленная на части, с неописуемым энтузиазмом и решительно отворачивается от местного партикуляризма, выступая на сцене истории, как единое национальное целое.

Возникли независимые суверенные Республики Кавказа; культурный мир им ответил: „Добро пожаловать".

Но коварный враг не спал и следил за ними из далека. Подобно царской России, и большевистская Россия враждебно встретила возрождение наших народов. Два мира стали друг против друга: Кавказ и Москва, свобода и тирания. Временно победа досталась последней: Кавказ потерял свою свободу и тирания восторжествовала.

Причины этого — отчужденность воскресших народов друг от друга; отсутствие между ними единого фронта.

Мы получили горький урок, который и указал нам путь победы. Создание единого Кавказского Конфедеративного Союза и одного центрального освободительного органа — единственный выход, властно продиктованный историческим опытом.

Совет Кавказской Конфедерации выступает на сцену и поднимает знамя свободы всего Кавказа.

На чем основаны наши надежды?

На двух непреложных фактах: на непоколебимой воле наших народов быть свободными и на неизбежности крушения московского господства. Мы видим, с одной стороны, моральную стойкость наших народов, а с другой, разложение и взаимное истребление наших врагов. Свободолюбивый Кавказ тверд, как скала, и стоит на своем посту. 16-летняя неслыханная тирания не смогла сломить его. До ныне май остается его маяком свободы, развернутым знаменем. На этих основах каждый народ в отдельности и все вместе образуют один боевой лагерь.

Национальный фронт кавказских народов — совершившийся факт. И кучка дезорганизаторов, стремящихся взорвать изнутри это единение, работает против Кавказа и в пользу его врагов.

Единый фронт об'единенного Кавказа — залог нашей победы. Концентрации кавказских сил требует не только урок прошлого, но, особенно и настойчиво, перспективы настоящего. Советская власть быстрыми шагами идет к гибели. Она историей осуждена на скорое исчезновение. Где ее наследник?

Какая власть возникнет на ее развалинах? Вот животрепещущий вопрос. Большевистскую власть заменит-ли другая тирания, за красным империализмом последует-ли черный империализм или восторжествуют чаяния угнетенных народов? Достигнут ли они свободы и независимости? Вот главная проблема текущего момента.

Об'единение Кавкасской Конфедерации призывает народы Кавказа сомкнуться под единым знаменем, быть готовыми откликнуться на призыв истории и, высоко подняв знамя борьбы, рука об руку шествовать к победе и свободе.

Долой московское иго!
Да здравствует свобода народов!
Да здравствует Единый Кавкасский фронт!
Да здравствует Независимый Конфедеративный Кавказ!

Совет Кавкасской Конфедерации.

Азери

КАВКАССКИЙ МАЙ

Май — прекрасный месяц возрождения природы есть одновременно и месяцем политического возрождения народов Кавказа.

19 лет тому назад, все четыре народа Кавказа, один за другим, 11-го мая Северный Кавказ, 26-го — Грузия, 28-го — Армения и Азербайджан, об'явили свою государственную независимость...

В момент, когда в России бушевала антинациональная стихия большевизма, на Кавказе восторжествовала идея здоровой национальной государственности...

Несмотря на об'ективно-тяжелые условия, обусловленные предыдущим режимом военно-феодальной России, народам Кавказа удалось, все же, организовать народные республики на началах национальной культуры и на принципах общечеловеческой цивилизации...

Благоразумные акты народов Кавказа не замедлили получить международное признание. Республики Кавказа — одни де-факто, другие де-юре — признавались большими государствами мира.

Но воспользовавшись международным хаосом и глубокими противоречиями, созданными неблагоразумными методами ликвидации мировой войны, в частности, создавшими неблагоприятную политическую атмосферу на Ближнем Востоке, пагубную для молодых республик Кавказа, русские большевики, нарушая не только все законы международной морали, но и свои собственные лозунги и подписи, оккупировали Кавказ...

Это было неслыханное грабительское нападение, ознаменованное неравной, но кровавой борьбой. Это был вместе с тем и убедительный пример, как т. н. армия большевистской революции, под прикрытием лживых обещаний свободы и благоденствия трудящихся масс, несет народам ужасающее бедствие...

Большевизм, или другими словами красный русский империализм, на примере кавказского опыта показал, что он есть ничем иным, как только организованным грабежом — грабежом не только материальных, но и моральных ценностей народов.

Вот уже 19 лет, как наши народы подвергаются страшнейшим гонениям, каковых не знает мировая история. Разрушаются национально-моральные устои страны. Массы подвергаются неслыханным социальным экспериментам, страшной экономической эксплоатации и постоянным кровавым экзекуциям...

В квази-независимых советских республиках Кавказа действительные сыны Кавказа об'явлены вне закона или же лишены всяких прав влиять на судьбы своей страны. Господами положения в них являются люди, ничего общего не имеющие с Кавказом, враждебные всему национальному.

Но несмотря на режим жестокой тирании, народные массы проявляют героическое сопротивление кровавой власти большевиков на всем Кавказе. Принужденные уступить численно-превосходящей грубой силе большевизма в формальной борьбе, народы Кавказа однако не примирились с оккупационным режимом.

Не взирая на кровавое подавление Гянджинского восстания, восстания 1924 года в Грузии и аналогичных выступлений в те же времена на Северном Кавказе и в Армении, партизанская борьба и массовые выступления на Кавказе не прекращаются, получив в официальной советской терминологии название „бандитизма."

В годы реализации сплошной коллективизации этот „бандитизм" принял вид форменной войны между сельским населением и советской властью, во время которой многие города и села предавались огню и мечу беспощадной и чуждой стране иноземной властью.

В долгие годы борьбы кавкасские народные массы проявляют беспримерное единодушие. Слова большевистского комиссара Элиава памятны всем кавказцам. В своем выступлении в Тифлисе в 1930 году он открыто должен был признать, что „народы Кавказа, без различия веры и национальностей, об'единились в борьбе с советской властью" и что „Коран и Евангелие уже не разделяют народы Кавказа".

Протест против насилия и воля к непримиримой борьбе с ним во имя национальных идеалов и по сей день воодушевляют народы Кавказа.

Национальные партии Кавказа, „ликвидирован-

ные" и „похороненные" не раз, проявляют, по заявлениям самих же большевиков, новые акты политической борьбы. „Троцкистская чистка" на Кавказе показала, что московская диктатура не в состоянии рассчитывать даже на те силы, которые были выращены ею же самою. Все жалкие сподвижники советизации республик Кавказа оказались ныне или „подлыми агентами местных национализмов" или же „собаками международного фашизма".

Никогда еще официальные правители коммунистической власти так бешенно не атаковали национальные партии Кавказа, как это делается теперь. Характерные слова высказал при этом глава советского Азербайджана Рахманов: „Подлые враги азербайджанских народов—мусаватисты, вместе с грузинскими меньшевиками и армянскими дашнаками, после великой октябрьской социалистической революции, отторгнули Закавказье от Советской России"... („Бак. Раб." № 61, 13-III-1937).

Ненависть к партиям, „отторгнувшим Закавказье от Советской России", после 19 лет обратного присоединения Кавказа к России — все еще не изжита. Факт, над которым следует остановиться. Не свидетельствует ли он о том что „идеи Мая" на Кавказе живы и морально господствуют над „идеями октября"?!...

Для нас господство это вне всякого сомнения!...

Идея Кавказской Конфедерации, лежащая в основе пакта, подписанного правомочными представителями трех народов Кавказа (Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии), является духовным стержнем борьбы наших народов за национальное освобождение.

С целью разрушения этого основного стержня, новая советская конституция совершила покушение на советскую „Закавкасскую федерацию". Московский централизм не мог терпеть даже такой жалкой пародии кавкасского об'единения!...

Но идеологическая концепция Кавкасской Конфедерации, раз став уже идеей-силой и спаяв национальные силы Кавказа, служит и будет служить жизненным рычагом национально - освободительных движений наших народов!

Мы твердо верим, что народы Кавказа, 19 лет тому назад вышедшие из под ига царской тирании как уже сконсолидированные национальные единицы, по низвержению еще более гнусной большевистской тирании, создадут независимое Кавкасское Конфедеративное государство.

В памятные майские дни наши сердца полны светлых надежд. Мы верим, что торжество идеи Кавкасского Мая, об'единяющей и возрождающей наши народы, не за горами...

Да здравствует национально-государственное освобождение народов Кавказа!...

Да здравствует свободный Конфедеративный Кавказ!...

Коста

МАЙСКИЕ МОТИВЫ

Человек склонен охотнее всего верить в то, чего особенно желает. Наше главное желание в настоящее время связано со всем тем, что должно принести кавкасским народам освобождение из-под гнета чужеземного ига, от насилия красных владык, новых надзирателей жестокой „тюрьмы народов". Но если и мы в осуществление этого желания верим с особенной охотой, а с наступлением весны надежда еще более оживает в каждом из нас, — то в такой „слабости" кроются не столько желанные мечты и сладостная интуиция, сколько старательно подитоживаемые данные и факты, питающие наши радужные надежды.

Каждая значительная дата исторической хронологии обычно вызывает живой отклик в ушах и сердцах живущих ныне поколений; в таких случаях в народе этот отзвук прошлого выражается или в национальном трауре, или же в обще-народном ликовании, в зависимости от характера факта, связанного с данной датой.

Май является для кавкасских народов месяцем, в котором они в 1918 году провозгласили свою политически-государственную независимость. И вот, отмечая эти дни (11-го, 26-го и 28-го мая) обычным, общепринятым торжеством, мы невольно проникаемся таким же самым ощущением, как если бы были членами семьи, справляющей празднества в честь одного из своих сочленов, прикованного к ложу тяжелой болезнью. Вот почему, с наступлением этих дней животворного и лучезарного майского месяца, мы проникаемся грустью, не позволяющей нам отдаться вдоволь приятным воспоминаниям о светлых (хоть и не продолжительных) днях свободы наших народов, которая исчезла так-же быстро, как исчезает утренняя роса под лучами знойного солнца. Но к счастью, болезнь наших народов, заставляющая их пребывать на положении порабощенных и угнетенных, не является неизлечимой и не собирается перейти в хроническую; недуг вполне излечим и недалек день окончательного выздоровления от той болезни невольничества, в какой пребывает наша Родина и которая завлечена к нам извне. Близок день этого выздоровления — таков диагноз, поставленный смыслом и значением неоспоримых фактов. Вот почему все мрачные думы вытесняются очень часто более светлыми мыслями, новыми надеждами.

Нужно признать, что величественная природа и красочные панорамы чарующего Кавказа не только были ареной героических и кровавых схваток наших народов в их борьбе со своими извечными поработителями, но также побуждали нас подчас к известной мечтательности, к обостренной чувствительности, к своеобразной грусти, к жалобно-скорбным мотивам и ко всему тому, что обычно зарождается в обстановке неволи, полной всевозможных терзаний, всяческих невзгод, мук и страданий. А что жизнь на-

ших народов при господстве оккупантов была и есть именно таковой,— в этом нет нужды кого либо убеждать, это хорошо всем известно. Но говоря о мечтательности, следует иметь в виду не сентиментальные блуждания в заоблачном мире, не сказочно-сладостные грезы, а постоянную мечту о лучшей жизни, обретении отнятой национальной свободы, о прелестях независимой государственной жизни, об устройстве собственной жизни на началах, отвечающих истинному духу народа, и т. п. Эта склонность к полетам в область своих заслуженных и обоснованных желаний и стремлений вполне понятна в условиях тяжкого гнета, в которых пребывает Кавказ.

Но, однако, мы никогда не делались жертвой каких либо романтических мечтаний и наивных надежд, будучи далекими от чего-нибудь подобного особенно теперь. Наша тоска по свободной и независимой Родине, наша скорбь о печальной судьбе героических народов свободолюбивого Кавказа подсказывают нам всегда здравые мысли, рациональные замыслы и рассчеты, находящиеся в тесной связи с реальными фактами, с мировой действительностью, какая бы эта действительность не была, какие бы тяжелые задачи она на нас не возлагала. Мы стараемся тщательно взвешивать все то, что имеет то или иное отношение к проблеме освобождения наших угнетаемых народов, проходя мимо всего невесомого, не поддаваясь никаким обманчиво-заманчивым миражам, не убаюкивая себя сомнительными иллюзиями.

И вот, при такой-то именно здравой и холодно-об'ективной оценке минувших фактов и текущих событий, мы с полным основанием можем отнести идею независимости кавказских народов к циклу проблем, которым суждено осуществиться в самом ближайшем будущем. Мы не подтасовываем фактов и не гадаем, рисуя себе свое будущее в радужном свете, а обосновываем свои надежды на красноречивых фактах, на логике событий и прежде всего на „поведении" наших народов, идущих на всевозможные жертвы лишь бы высвободиться из тех клещей, которыми их удерживают кремлевские узурпаторы в пресловутом „Союзе советских социалистических республик".

Применяя силу и террор, московская клика откровенных империалистов идет на какие угодно „художества", чтобы заретушировать действительную картину происходящих событий, оповещая миру о полной гармонии, царящей будто-бы в этом сожительстве народов на всей территории страны Советов. И если недавно кавказские и другие братские нам прометеевские народы совершили „преступление", нарушив эту „гармонию", то весьма близок тот день, когда наступит рецидив подобного же „преступления" и угнетенные народы докажут легковерному миру, что не было и нет добровольного и мирного сожительства, а есть лишь грубое насилие над временно слабыми народами. Правда наступление неизбежного дня растянулось на неопределенное время, но, однако, это отнюдь не является показателем силы и незыблемого могущества поработителей, как равно и бессилия и неспособности к борьбе порабощенных.

Два десятка лет с точки зрения истории не такой уж большой срок, чтобы поддаваться унынию и пессимизму, предполагать, что в судьбах наших народов нет уже просвета. Однако, срок хоть и небольшой, но 17-тилетнее пребывание наших собратьев в котле неудачливых, сумбурно-затейливых, выматывающих душу большевистских экспериментов, при беспримерном терроре, было настолько тяжелым, что слова бессильны были бы это выразить. Обстоятельства этой кошмарной действительности заставляют нас болеть душой, хотя мы и находимся вне досягаемости зла. Зато, повторяем, иные факты и явления укрепляют нашу веру в неизбежный и скорый конец кошмара, нависшего над нашей Родиной. Об этом свидетельствуют не бледные признаки, не одни только симптомы, а многоговорящие, верные и ясные показатели, возрастающие в своем значении с каждым днем...

* * *

После мая 1918-го года, кавкасские народы, не успев укрепить свою государственность и даже не передохнув еще от всех „прелестей" царского режима, мировой и гражданской войны, почувствовали себя опять в оковах, сфабрикованных на сей раз в кузнице красного Кремля. Если даже царская жандармерия признавала, что человек состоит из тела, души и... паспорта, то красные опричники не хотели признавать даже этой „анатомии", снабжая паспортами и партийными билетами только тех, кто продавал им свою душу. Но безшабашный размах большевистского „строительства" сократил современем свою амплитуду, благодаря чему революционное tempo и горячий пыл позволили себя заменить обыкновенной рутиной. Наступила спокойная, сравнительно, пора (стабилизация!), когда шило спокойно-же могло уже вылазить из мешка: жертвой террора становятся сами столпы дьявольской системы; партийный билет становится сомнительным документом; появляются „вредители" вредного аппарата; плодятся расхитители казенных сумм и имущества (грабь награбленное!); идет погоня за роскошной жизнью, валютой и драгоценностями; Зиновьев, Каменев и К-о становятся к стенке; Ягода готовится занять эту же „позицию", терзаемый пока-что бывшими подчиненными в подвалах Лубянки. Наступают все признаки развала сатанинско-чудовищного аппарата, пожирающего своих создателей, как Сатурн собственных детей. И вот, борьба с красными оккупантами, с авангардом разваливающейся системы возрастает на нашей Родине в той самой мере, в какой всюду укрепляется ошибочное мнение о кажущейся прочности этих захватчиков на наших исторически-собственных землях, да и вообще в прочности советской власти. Недолговечное независимое и свободное существование кавказские народы далеко не считают своей последней пробой, последней попыткой завоевать себе лучшую участь. Когда в России праздновалось 300-летие царствования дома Романовых, то монархический строй имел такую кажущуюся прочность, что все рассчеты на его падение казались многим результатом весьма сомнительного оптимизма. Однако, последовавшие затем события показали, что „ничто не вечно под луной" и никакая давность существующего положения вещей не может быть гарантией прочности и незыблимости этого же положения на

долгое время. Большевистско-коммунистический строй имеет не лучшие признаки „долговечности“, чем в свое время строй монархический, так что и в этом случае развал режима может наступить совершенно для нас неожиданно. Нас не трогает и не особенно интересует то, что после этого наступит в собственно России, — анархия, олигархия, бонапартизм и т. п. Конфедерация кавказских народов не будет уже зависеть от того „климата“, который будет господствовать у нашего северного соседа. Мы верим в окончательную победу над нашим врагом не потому, что считаем его слабым, а борьбу нашу легкой, но верим в это при полном сознании наличия обратных обстоятельств, надеясь преодолеть все трудности, ожидаемые и непредвиденные. Кавказ — это не „смиренная обитель“, а океан народного гнева, непримиримой ненависти к непрошенным хозяевам и цинично-варварским насаждателям чуждых нашим народам устоев. В свое время в Ниппон вместе со всяческими инструкторами и учеными проникли и немецкие идеологи-лекторы; и вот, эти просветители с таким успехом распространяли там идеи Ницше, что было очень много случаев, когда ниппонские студенты-фанатики бросались со скал в пропасть. Среди кавказской молодежи не было еще таких энтузиастов марксизма, которые бы, скажем, разочаровавшись в излюбленной идее, поступали с подобным отчаянием, хотя у нас много мест, откуда можно было бы кидаться головой вниз с верным смертельным исходом; не было таких случаев потому, что никто не испытывал и такого убийственного разочарования, ибо степень самого очарования была весьма и весьма относительной.

Наряду с бедствиями, сопутствовавшими всем начинаниям и мероприятиям лукаво-мудрствующего многоголового синедриона кремлевских владык, кавказские народы испытывали еще надругательства над национальной гордостью, общенародной честью и всем тем, что так свято для каждого самобытного народа, воспитанного на своеобразных вековых традициях. Когда удары и плевки в это особенно больное место приняли систематический и „изысканный“ характер, то против ополчились и те из националов, которые были на советской службе и надеялись этим легальным путем приносить ту или иную пользу своему народу („с волками жить— по волчьи выть“!). И вот, наряду с давнишними вооруженными антисоветскими партизанами, народились в массах терпеливых и кажущихся лойяльными труженников активные борцы (с той же чуждой и ненавистной властью) на фронте идеологическом, стремящиеся к сохранению в чистом и незапятнанном виде всего того, что в будущем может понадобиться для возрождения национальной культуры.

Все декоративно-красивые ширмы, за которыми советская власть издавна решила руссифицировать всех и вся, — давно уже опрокинуты. Борьба с красными насильниками, обманьщиками, циничными узурпаторами и хищными эксплоататорами идет на Кавказе неустанно, образовав два тесно связанных между собой фронта — фронт стойких бойцов, заслуживших у своих врагов названия „бандитов“, и фронт борцов интелектуально-идеологических, награжденных преторианцами Москвы эпитетом „буржуазных националистов“. Небез'известный английский поэт Байрон, как-то воскликнул: „Если бы я мог, то научил бы камни восставать против насилия тиранов!“. В своем умении изыскивать способы борьбы с красно-русскими оккупантами и налетчиками, кавказские народы почти дошли уже до этого...

* * *

Все отдельные эпизоды, разновременные и разноместные факты борьбы кавказских народов за свою независимость обретут свою полноценность только тогда, когда они будут разбираемы в освещении лучей солнца вновь обретенной свободы. Обычно так и бывает: слова, дела, поступки, отдельные подвиги, всевозможные пока-что бесследные факты и т. п. в своем значении „набухают“ лишь тогда, когда наступает достижение намеченной цели, торжество исповедуемой идеи, во имя которой все это имело место. А момент, в который наступает это именно торжество,—редко кем предугадывается, чаще всего бывает неожиданным сюрпризом даже для всевозможных „дальновидных“ пророков, каковых всегда имела каждая эпоха. Пожалуй, легко согласиться (в особенности в наши времена) с формулой английского философа, Спенсера (1820-1903 г.г.), который утверждал, что „случается чаще всего то, что не предвиделось“. Но тут все-же напрашивается некоторая оговорка, которую можно выразить мыслью, что явления, факты и события, которым суждено так или иначе когда либо сбыться, можно безусловно ускорять человеческой волей, работой в данном направлении, упорным стремлением к намеченной цели, борьбой с препятствиями на пути к ней и т. д. В связи с нашей проблемой следует сконстатировать, что наши народы изыскивают и применяют подобные средства, могущие ускорить осуществление их чаяний, и бесспорно эти средства в общей своей сложности облегчат выполнение возложенной на нас историей задачи. В каждой увертюре можно уловить некоторые элементы самой оперы. Теперешняя борьба наших народов за свою политическую свободу является как-бы той вступительной увертюрой, после которой начнется сама героическая опера, разыгранная на большой живописной арене вооруженными рыцарями кавказских народов, имея против себя партнеров, у которых отберется раз навсегда присвоенная ими роль узурпаторов, угнетателей, насильников и захватчиков... Проблема освобождения наших народов зиждется не на одном только их желании попробовать еще раз пожить самостоятельно-государственной жизнью, имея все богатое хозяйство нашей страны в собственных руках; эта проблема не создана и не „раздута“ теми их представителями, которые в XX веке сделались настолько просвещенными, сведущими и прозревшими, что им просто вздумалось на своих народах заработать себе портфели министров. Эта проблема существует с тех пор, как грубая сила „христолюбивого воинства“ белых царей, а теперь безшабашная сила пролетарской красной армии, лишили наши народы всех тех достояний, без коих невозможно жить никакому отдельному народу, в кото-

ром гнездится исторический, наследственный порыв к приобретению того, что отнято у него силой, а не претензия на то, к чему себя он почувствовал дозревшим лишь теперь. Кому существование и смысл нашей проблемы все еще не понятны, — им можем пояснить, а кого они раздражают, — их можем успокоить, заявляя открыто и категорически: проблема освобождения кавказских народов и связанная с нею их борьба с поработителем сами собой отпадут лишь тогда, когда эти народы добьются своего неоспоримого права на свободу и независимость и когда они начнут служить собственной, внутренней проблеме, занявшись менее воинственным делом—мирным строительством своей государственности собственными силами и средствами, на собственной земле.

И если, как мы уже отметили, означенные выше даты майских дней не вызывают в нас теперь восторженно-праздничного настроения в силу печальной пока-что действительности, то тем не менее они никогда не потеряют своей исторической важности. Да и вообще следует твердо помнить, что народу так-же нельзя отрешиться от своего прошлого, как, скажем, горбуну сбросить с себя свой горб, каким бы это прошлое не было—печальным или радостным, мрачным или светлым, постыдным или героическим... Кавказские народы не мечтают о наступлении какого либо „смутного времени", чтобы суметь огородиться от вражеской России пресловутыми рогатками, а неустанно и самоотверженно борятся с ней, понося не напрасные жертвы и упорно идя к неизменной цели—добиться прочного, независимого государственного бытия какой бы ни было ценой. Вот почему и мы в эмиграции смело и с чистой совестью гласим об этой нашей идее и так вопим о несправедливой судьбе наших народов; вот почему в наших воспоминаниях о недавней непродолжительной государственной жизни кавказских народов, все-же, преобладает мотив, который можно было бы выразить словами: глубокая вера в правоту и конечный успех национальной идеи.

Весной т. г. национальная эмиграция Идел-Урала чествовала 40-летие литературной и публицистическй деятельности своего вождя—Аяз-бея Исхаки. Присоединяясь к торжеству идел - уральских братьев, редакция и сотрудники нашего журнала желают уважаемому Аяз-бею по случаю 40-летия его многополезной деятельности дальнейшей плодотворной работы на пользу родного народа.

Магомет Вейси

АЯЗ ИСХАКИ

(К 40-летию литературной и публицистической деятельности)

Аяз Исхаки, талантливый писатель и национальный деятель Идел-Урала, является среди иделуральцев тем, кто наиболее благородно осознал, наиболее горячо пережил и наиболее правдиво выразил в своих произведениях любовь к родному народу.

Аяз Исхаки родился в 1878 г. в Евширме, старинном татарском поселении около Казани. Отец писателя, достойный и всеми уважаемый местный имам, весьма интересующийся литературой, любил в часы досуга читать жене и детям татарских авторов.

Родители Аяза Исхаки жили скромно, но и не бедно. Они имели небольшой хутор. Отец писателя, исполняя обязанности имама, занимался одновременно и сельским хозяйством. Маленький Аяз рос среди сердечных и простых людей. В доме выполнялись свято все старые татарские обычаи, торжественно встречались мусульманские праздники. Такова была обстановка детства Аяза Исхаки.

Пребывая среди сельчан, он любил слушать народные песни, легенды и сказки о прошлых и далеких временах. Начальное обучение Аяз-бей проходил сперва дома, в школе своего отца, а затем, когда ему исполнилось 7 лет, в татарской школе в Чистай.

Мальчик учился хорошо, выделяясь среди ровестников прекрасной памятью и способностями. Он уже довольно рано выявил свои литературные наклонности, много читал и был занимательным расказчиком.

В 1890 г. Аяз Исхаки окончил школу в Чистай. Стремлением его было стать имамом или же учителем, и поэтому он продолжал свое образование в медрессе Аллам Хазрет в Казани.

Тогда Идел-Урал переживал эпоху своего возрождения. Профессора медрессе являлись одновременно и учеными и большими патриотами Идел-Урала. Под влиянием таких величин в области науки и национального возрождения, как Шихабуддин Марджани, Абдулкийюм Насири, Хади Максуди и другие, среди молодежи господствовали наиболее благородные порывы. Значительное влияние на молодежь оказывал и Гаспыралы, как равно и издаваемый им „Терджуман".

После окончания медрессе, Аяз Исхаки поступает в дар-уль-муаллимин, находящийся также в Казани. Здесь он знакомится с русской литературой, изучает произведения русских и европейских писателей и начинает активно работать в идейных организациях татарской молодежи.

В 1897 г., желая усилить у идел-уральской мо-

лодежи любовь к просвещению и патриотические чувства, он издает свое первое произведение под заглавием: „Таалимде саадет" („Счастье в науке").

Вскоре Аяз-бей сделался одним из вождей просветительного движения Идел-Урала. Он был членом правлений различных организаций, деятельно посещал публичные собрания, читал доклады и возбуждал порыв к общественной работе среди своих товарищей. Одновременно он все более отдавался литературной работе. В продолжении своей 40-летней литературной деятельности Аяз Исхаки обогатил литературу Идел-Урала следующими произведениями, носящими ярко национальный характер (заглавия приводим в дословном переводе):

1) „Счастье в науке", повесть (1897); 2) „Вышивальщица шапок", пов. (1898); 3) „Сын богача", роман (1899); 4) „Жизнь с тремя жонами", драма (1900); 5) „Две любви", комедия в 5 действ. (1900); 6) „Нищенка", ром. (1901); 7) „Встреча", (1902); 8) „Дегенеарация после 200 лет", пов. (1902-3); 9) „Сборник разсказов" (1905); 10) „Учитель", др. (1906); 11) „Тюрьма" — пов., написана в заключении в Чистай (1906); 12) „Получил и отдал"; 13) „Борьба", др. в 4 действ. (1908); 14) „Конец света", ком. в 3 действ. (1909); 15) „Собрание", ком. в 3 действ. (1909); 16) „Это-ли жизнь?", пов. (1909); 17) „Старый имам", ром. (1910); 18) „Семейное счастье", пов. (1911); 19) „Сунетчи-Бабай, пов. (1911); 20) „Студент", пов. (1911); 21) „Зулейка", др. в 5 действ. (1911); 22) „Помешанный арестант", пов. (1912); 23) „Солдат", пов. (1912); 24) „Зять", пов. (1912); 25) „Учительница", др. в 3 дейст. (1913); 26) „Жена имама", пов. (1914); 27) „Сомнение", пов. (1915); 28) „Он еще не женат", пов. (1915); 29) „На беспутьи", др. (1917).

Произведения, написанные в эмиграции и еще не изданные: 1) „Среди волн", др. в 5 действ. (1921); 2) „Между двух огней", др. (1922); 3) „Домой", пов. (1922); 4) „Домой или Миралай Мирали", пов. (1923); 5) „Осень", пов. (1923); 6) „Судья Лукман", пов. (1923); 7) „Большой праздник", пов. (1923); 8) „Зан Баевич", ком. в 4 действ. (1923); 9) „Мое 30-летие" (1927-28).

Изучая творчество Аяза Исхаки, можно познать историю и быт различных слоев татарского народа. Мысли и свои чувства он посвящает преимущественно явлениям и проблемам, носящим патриотический и политический характер. Содержание своих произведений Аяз Исхаки черпал из жизни простого народа. Поэтому его творчество было чем-то новым в литературе Идел-Урала и отличалось от творчества прежних татарских писателей.

Аяз-бей ввел в татарскую литературу новые персонажи и новые воззрения. Пиша свои произведения красочным тюрко-татарским языком, он указывал на ошибки различных слоев народа и призывал к их исправлению. Опасаясь за будущность своего народа, Аяз-бей рисует размеры опасности, грозящей татарам, указывает гибельные последствия руссификации. Своими произведениями он возбуждает в народе гражданские чувства, пробуждает жертвенность; дает советы и указания о том, как должен поступать народ, чтобы не сойти с правого пути и достичь прежнего великолепия.

Кроме литературной деятельности, Аяз Исхаки с еще большей энергией посвящает себя политической работе на пользу своего народа. Он занимал руководящее положение в конспиративных организациях—„Хурриет" и „Танчилык"; организовал нелегальные типографии в Казани, Самаре, Уфе и Туркестане, являясь одновременно и сотрудником всех легальных татарских изданий. Он основал и был действительным редактором следующих татарских газет: 1) „Тан Илдызы"—выходила в Казани от мая по сентябрь 1906 г., а затем была закрыта русским правительством; 2) „Тан Меджмуаси"—выходила в Казани с ноября 1906 г. по апрель 1907 г., когда была правительством закрыта; 3) „Тавуш"—выходила в 1907 г.; 4) „Ватан"—в Петербурге в 1913—15 г.г.; 5) „Сёз"—начала выходить в Москве в 1915 г., в сентябре следующего года была закрыта правительством; в марте 1917 г. издание газеты возобновилось, но в 1918 г. она опять была закрыта – на этот раз большевиками; 6) „Иль сёзю"—издавалась в Москве в 1916 году.

В эмиграции Аяз-бей организовал и редактировал следующие журналы: 1) „Рехбер" — Красноярск (1918), 2) „Милли Юл" — Берлин (1928) „Милли Байрак"—Мукден (1935).

В своей публицистической деятельности Аяз Исхаки в доступной для широких кругов читателей форме рассматривал все те проблемы, которые интересовали татарский народ. Он протестовал против насилий, чинимых царскими чиновниками, и разоблачал тайники руссификации. Работать приходилось в тяжелых условиях, под постоянной угрозой ареста и ссылки в Сибирь, среди частых предательств провокаторов.

Вскоре власти издают приказ об аресте Аяз-бея, обвинив его в организовании тайных кружков среди идел-уральской молодежи в Казани. С этого момента ему приходиться перейти на нелегальное положение. Факт этот еще более увеличивает его ненависть к угнетателям.

Не взирая на свое нелегальное положение, Аяз Исхаки едет делегатом на II-ой мусульманский с'езд в Мекердже и принимает активное участие в его работах. После с'езда, он опять возвращается в Казань, чтобы продолжать свою деятельность. На этот раз, однако, власти арестовывают Аяз-бея на квартире его друга и сотрудника Сагита Реми. Во время обыска обнаружена была и тайная типография. В 1907 г., после 6-месячного заключения, Аяз-бей ссылается на 3 года в Сибирь. Однако, спустя год, ему удается бежать из ссылки и осесть в Петербурге, где снова, тщательно законспирировавшись, он начинает работу среди татарской молодежи, учащейся в столице империи. Одновременно с этой работой, Аяз-бей редактирует литературно-научный журнал на тюрко-татарском языке и вырабатывает основы программы, которая отвечала бы нуждам родного народа и страны.

Но и в Петербурге Аяз-бею не посчастливилось. Вскоре последовал новый арест по доносу провокатора, еврея Гаджи Флаши, выдававшего себя за кавказца. На этот раз следует ссылка в Архангельск.

Через два года, в 1913 г., Аяз-бей возвращает-

ся из ссылки обратно в Петербург и начинает посещать лекции на юридическом факультете. Сейчас же после революции 1917 г. мы видим Аяза Исхаки во главе национальной организации Идел-Урала.

В мае 1917 г. он принимает участие в с'езде мусульман, находящихся под игом России, и избирается в состав Мусульманского комитета. Второй Мусульманский с'езд в Уфе избирает его делегатом на Версальскую конференцию.

К этому времени в Идел-Урале начинаются большевистские погромы и грабежи. Коммунистическая власть издает распоряжение об аресте Аяз-бея, закрытии редактируемого им журнала „Иль" и конфискации типографии. Не ожидая ареста, Аяз-бей вместе со всей редакцией переезжает сначала в Самару, затем в Уфу и, наконец, в Красноярск, где приступает к изданию нового органа — „Рехбер". Когда в 1919 г. волна большевизма докатывается и до Красноярска, Аяз-бей отправляется через Ниппон в Европу, на уже открывшуюся конференцию в Версале.

В Европе начинается новый период деятельности Аяза Исхаки. В 1923 г. в Берлине им организуется общество „Туран". В 1925 г. его вызывают в Турцию, где предлагают стать главным редактором ж. „Тюрк юрду". Но когда в Турции усилилось влияние Советской России, Аяз-бей возвращается в Европу, организует здесь „Комитет Независимости Идел-Урала" и начинает издавать журнал „Милли Юл", являющийся органом названного Комитета.

От имени „Комитета Независимости Идел-Урала" Аяз-бей принимает участие в работах Лиги „Прометей", а в 1931 г., совместно с Саидом Шамилем, выезжает на Мусульманский Конгресс в Иерусалиме, где представляет мусульман, угнетаемых Россией, протестуя против оккупации красным империализмом мусульманских стран.

В 1933 г. Аяз-бей выезжает на Дальний Восток с целью организовать политическую жизнь тамошних идел-уральцев. В 1935 г. по его инициативе созывается Курултай в Мукдене, который выделяет из себя „Религиозно-национальный Центр идел-уральцев на Дальнем Востоке". Организация эта развивает интенсивную деятельность и приступает к изданию собственной еженедельной газеты „Милли Байрак".

После упорядочения национально-политических дел идел-уральцев на Дальнем-Востоке, Аяз Исхаки возвращается весной 1936 г. в Европу, дабы продолжать здесь борьбу за права своего народа.

Аяз Исхаки всю свою жизнь посвятил Идел-Уралу. В своих произведениях он пробуждал народ от сна неволи, зажигал сердца священным энтузиазмом патриотизма, пробуждал национальную совесть. Но и сегодня этот поседевший в борьбе за свободу своего народа национальный деятель дает нам яркие примеры любви к родной стране и упорной, самоотверженной борьбы с московским игом.

Б. Билатти

СУЩНОСТЬ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

При поверхностном взгляде на советскую государственную систему и при отсутствии должной доли критицизма можно притти к заключению, что правовая конструкция советского политического строя зиждется на принципах демократизма, построена на основе широкого самоуправления и автономии. Исходя из этого первого впечатления, можно в дальнейшем уверовать в реальную сущность советских федеративных норм, уверовать в то, что советская федерация — не простая теоретическая формула без какого-либо содержания, но вполне законченное правовое построение, в котором принцип федерации восторжествовал в полной мере, обеспечив в неменьшей степени интересы всего многонационального населения Советского союза.

Однако, при более осторожном подходе к исследуемому предмету, при более внимательном изучении государственно-правового устройства СССР — мы неминуемо обнаружим ошибочность такого взгляда, как равно и то, что он является результатом оптического обмана, коему подлегает всякий, кто старается оценить сущность советской государственной системы на основании внешних форм или же на основе пресловутой „сталинской" конституции, отличающейся искусстной редакцией, наряду с весьма туманным и неясным содержанием.

В действительности же никакого самоуправления или же автономии в стране „строющегося социализма" нет, никогда не было и, можно быть уверенным, не будет. Самоуправление и автономия имеются там лишь на бумаге и, конечно, в воображении сторонников коммунистического режима.

Недоразумения относительно политической сущности режима в СССР возникают среди мыслящих кругов Европы чаще всего потому, что многие смешивают административную децентрализацию, практикуемую большевиками для упрощения техники управления, с самоуправлением и автономией. Огромные пространства многонациональной страны, управление которой из одного центра связано с большими трудностями и представляет значительные неудобства, заставили Москву принять систему бюрократической децентрализации, имеющей те преимущества, что при ней компетенции административных органов на местах расширяются, и они, действуя самостоятельно и независимо в границах предоставленных им центром прав, значительно упрощают проблему управления. От такой децентрализации бюрократического аппарата значение центральной власти в Москве нисколько не ослабло. Наоборот, поощряя инициативу местных бюрократических сановников, охотно выслуживающихся перед метрополией, а главное являющихся ее ставленниками, Москва еще более усилила свои позиции в деле управления страной.

В т. н. буржуазных государствах, в политическом строительстве которых в той или иной степени

находят применение принципы самоуправления и автономии (САСШ, Швейцария, Британская империя и др.), мы видим, что самоуправляющиеся органы противопоставляются центральной государственной власти; в решении вопросов, имеющих местное значение, они совершенно независимы и пользуются в сфере управления широкими компетенциями. Самоуправляющиеся области и провинции буржуазных стран имеют вполне самостоятельные органы управления в лице собственных законодательных и исполнительных учреждений и независимой от центра администрации, кои в полной мере обеспечивают населению свободу волеиз'явления в пределах признанных ему прав.

Не то мы видим в Советском союзе. В советском государстве органы местного самоуправления являются по существу, как уже отмечалось, производными центральной власти, они — результат того своеобразного „бюрократическо-демократического централизма", который изобретен Москвой для удобства управления. И хотя по букве конституции они должны быть выразителями свободной воли населения, которое выделяет их из своей среды, якобы, путем прямого, равного и тайного голосования (ст. 134 новой конституции), тем не менее в действительности они составляют с органами, репрезентирующими центральную власть, одно монолитное целое, подчиняясь им в порядке иеррархической зависимости. Даже при поверхностном анализе видно, что в СССР т. н. органы самоуправления являются по существу экспозитурами органов общесоюзного государственного управления и действуют исключительно под их контролем и согласно их директивам.

Статьи 14 и 49 новой конституции снабжают общесоюзные правительственные органы такими правами, которые позволяют им в порядке законодательства и в порядке управления оказывать давление на органы местного самоуправления не только при решении общегосударственных вопросов, но и вопросов чисто локального значения. Новая конституция в этом отношении целиком воплотила в себе принцип бюрократическо-демократического централизма, который, по утверждению идеологов советской государственности, опирается на ленинском лозунге — „централизация управления и децентрализация деятельности". Предоставляя высшим органам общесоюзного управления право отменять распоряжения и законодательные акты правительственных учреждений союзных и автономных республик, автономных областей и т. д. как по мотивам их незаконности, так и по соображениям их нецелесообразности (ст. ст. 69 и 82), конституция этим самым сохраняет ненарушенным принцип централизации, при наружном признании его антипода—принципа автономии и самоуправления. Таким образом, первая часть ленинского лозунга полностью сохранена.

Что же касается „децентрализации деятельности", то этот принцип проводится в жизнь при помощи децентрализации администрации. Советское государство управляется не только из центра, но и на местах имеются сильные центры власти в лице местных административных органов, которые, изображая номинально самоуправляющиеся единицы, пользуются правом автономии лишь в сфере административных починаний.

Схема организации управления, предусмотренная в конституции, создает положение, при котором децентрализация административных органов нисколько не умаляет право общесоюзных учреждений вникать во все детали жизни „самоуправляющихся" единиц и в корне прерывать всякую попытку к действительному самоуправлению. Практически это осуществляется при помощи правящей коммунистической партии, которая и по новой конституции сохраняет название „передового ядра трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя" и „руководящего ядра всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных". В переводе на обыкновенный язык это означает, что централизированная до крайних пределов коммунистическая партия не только заполняет своими сочленами весь аппарат управления, но имеет в своих руках и т. н. общественные организации, которые в результате проникаются полностью мертвящим духом коммунистической казенщины. Руководящая роль коммунистической партии обеспечивается как традициями режима, так ныне и избирательной системой, предусматриваемой конституцией, которая, будучи номинально прямой, в действительности является косвенной, ибо согласно 141-ой ст. кандидаты в представительные учреждения выставляются не организованными группами беспартийных граждан, но коммунистическими партийными организациями и т. н. общественными организациями, находящимися в полном ведении правящей партии.

Конституция рельефно отражает мысли и настроения строителей советского режима, стремящихся к национальной и государственной унификации многонационального СССР. Характерны в этом отношении выводы некоего проф. Г. Гурвича, который в „Большой советской энциклопедии" высказывает следующие слова: „Противоречия между областным партикуляризмом и государственным унитаризмом разгораются только лишь там, где, как в буржуазных странах, вопросы о сумме прав, о комплексе желаний провинций являются вопросами жизни или смерти." В условиях же советской государственности, поясняет он далее, провинции не могут противопоставляться центру, потому что как в центре, так и на местах управление принадлежит пролетариату, который выполняет функции государственной власти в интересах всех трудящихся. Интересно то, что Гурвич и целый ряд иных авторов доказывают мысль, согласно которой трудящиеся разных национальностей, организованные в союзные и автономные республики и области, жизненно заинтересованы в том, чтобы социалистическое строительство в Советском союзе проходило наиболее успешно. А это возможно, говорят далее советские теоретики, при централизированной системе управления и при сохранении передовой, руководящей роли в руках пролетариата, который имеет целью „уничтожение эксплоатации людей людьми и переход к бесклассовому обществу." Как свидетельствует вся советская действительность, переход к „бесклассовому обществу" должен иметь и этап об-

щества анационального, что в практике ведет к руссификации всех нерусских народов.

О некоторой доле самоуправления нерусских областей можно говорить лишь в первые годы существования Советского союза. Но по мере усиления режима и стабилизации внутригосударственных отношений, составные части СССР были лишены и этой доли самоуправления и окончательно превратились в обыкновенные территориально административные единицы унитарного „союзного" государства, в котором федеративно-союзная форма играет только декоративную роль и не имеет никакого практического значения. Проявления систематически проводимой акции централизации можно установить не только в мероприятиях пресловутой „ленинско-сталинской национальной политики", но и в планомерно повторяемом административном „районировании" земель и областей Советского союза. Последнее обстоятельство особенно характерно для Северного Кавказа и Туркестана, где большевики, путем противоестественного и ослабляющего дробления территории и населения на ряд все новых и новых „национальных" единиц, укрепляют позиции московского великодержавного централизма.

Все советские авторы, пишущие о правовом устройстве СССР, приходят к одному общему мнению и сходятся на том, что развитие государственно-правовых норм идет и должно итти в направлении полнейшей унификации Советского союза. Вот, например, что пишет по этому поводу и как обуславливает свою мысль советский юрист Г. В. Александренко, по происхождению украинец:*)

„Задача социалистического строительства и связанная с ней проблема индустриализации нашего Союза требуют централизации руководства, подчинения хозяйств отдельных союзных республик единому хозяйственному плану, выработанному в центре. Это руководство выполняет пролетариат, как класс-гегемон. Сохраняя в своих руках командные высоты — землю, тяжелую промышленность, транспорт и внешнюю торговлю — пролетариат, при помощи диктатуры, проводит в нашем Союзе строительство социализма. *Процесс централизации всей нашей экономики обуславливает собой процесс централизации государственно-правовых форм, который совершается на наших глазах.* Разумеется, и здесь могут иметь место некоторые отклонения от намеченной линии. Достаточно, например, сослаться на случаи преобразования автономных областей в автономные республики, которые имели место в РСФСР и были стимулированы политическим и культурным под'емом той или иной автономной области... *Эти случаи могут иметь место и далее, но они не должны исключать отмеченного выше процесса постепенной централизации государственно-правовых форм, обусловленной упомянутыми выше экономическими причинами.* Особенно ясно обнаруживается это, если приступить к анализу наших государственно-правовых форм в исторической перспективе. Здесь мы видим постепенный переход от менее тесных форм связи к более тесным формам правового об'единения"... (Подчеркнуто всюду нами).

Далее, в подтверждение своих рассуждений, автор приводит договоры, заключенные РСФСР с отдельными союзными республиками (с Азерб. ССР—30-VIII-1920 г., с ССР Армении — 2-XII-1920 г., с Укр. ССР—28-XII-1920 г., с Бел. ССР—16-I-1921 г. и ССР Грузии — 21-IV-1921 г.), и говорит, что советское государство, согласно юридическому содержанию этих договоров, имеющему характер международного правового соглашения, было первоначально конфедерацией, которая сохраняла суверенитет своих сочленов даже в области внешней политики (например, договор с Укр. ССР). Но затем, якобы по договору от 30 декабря 1922 года, конфедеративная форма была заменена федеративной. Конституция, принятая в результате этой трансформации 6 июня 1923 года, не является, говорит Александренко, уже международным договором, а государственно-правовым актом, преобразовавшим первоначальное международное об'единение в унитарное государство. Придя к такому заключению, автор пишет: „Этот путь начертан был в свое время В. И. Лениным, в его наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам, в словах: «федерация является переходной формой к полному слиянию трудящихся разных наций»".

Приведенные нами цитады являются авторитетным подтверждением наших утверждений относительно общего характера советской государственной системы и того направления, в котором развиваются ее правовые формы. Следует учесть, что книга Александренко издана юридическим факультетом института народного хозяйства в Харькове и до сих пор служит руководством для слушателей советских высших школ.

Процесс экономической централизации, диктующий по мнению советских теоретиков необходимость централизации и в области политическо-административной, доведен в последние годы до полнейшего хозяйственно-экономического единства, до полной унификации в области экономики, нашедшей свое отражение и соответствующую формулировку и в новой конституции (во II и V главах). Естественно, в соответствии с усилением централизма в области экономики усиливаются централистические тенденции и в области политической структуры Советского союза, что, как мы видели, вполне отвечает общим планам большевизма.

Псевдофедеративная сущность Советского союза особенно рельефно выступает при сопоставлении с федеративно-конституционной практикой иных государств. Основное различие, бросающееся в глаза при таком сравнении, заключается в отсутствии принципа добровольности при образовании советской федерации. Уже по одному тому, что советское государство возникло насильственным путем и не имеет в основании своем договора в настоящем смысле этого слова, не имеет одного из основных признаков федерации, — оно не может быть настоящей федерацией. Тогда как, например, соглашение 13 северо-американских штатов, ставшее фундаментом самого могущественного сейчас федеративного

Г. В. Александренко — „Автономні республіки та автономні області в Союзі ССР". Харьків, 1928.

государства, носило, вне всяких сомнений, непринужденный характер и олицетворяло единую, вполне согласованную волю народных масс, продиктованную соображениями высшего порядка. Тоже самое можно сказать и о союзе трех швейцарских кантонов, основателей Швейцарской конфедерации. Даже федеральная конституция Швейцарии, принятая в 1848 году, есть результат непринужденного волеиз'явления 16 кантонов (путем референдума), постановивших во имя общего блага преобразовать конфедерацию в федерацию.

Совершенно иное мы видим в Советском союзе. Хотя в новой конституции, в 13-ой статье, говорится о „добровольном об'единении", но „договоры", перечисленные нами выше, коими авторы конституции пытаются обосновать это утверждение о „добровольности" об'единения, по существу не являются договорами. Они суть лишь односторонние юридические акты, изданные в порядке государственно-административных распоряжений и фиксирующие то фактическое положение вещей, которое установилось в результате большевистского насилия над национальными организмами нерусских народов. Нельзя назвать договором и постановление от декабря 1922 г., изменяющее советскую „конфедерацию" в „федерацию". Все это, повторяем, возникло post factum, после вооруженного насилия над нáродами и без сохранения даже внешних форм свободного волеиз'явления.

Можно задать вопрос, чем отличается государство—член федерации от обычной территориально-административной единицы, допустим, пользующейся некоторой долей автономии? Член федерации, не лишенный государственного характера, располагает правом самоорганизации: он самостоятельно устанавливает основы и формы своей государственной организации; вырабатывает и принимает конституцию, которая отнюдь не должна быть точной копией общесоюзной конституции; формирует органы власти и разграничивает их компетенцию по своему усмотрению. В Швейцарии и Северо-Американских Соединенных Штатах кантоны и штаты не являются суверенными государствами, их воля ограничена во многих отношениях и, между прочим, в вопросе установления формы их политической организации. Но тем не менее всем известно, что как кантоны, так и штаты пользуются там большими правами и в области внутреннего самоуправления настолько независимы и свободны, что им теоретиками права приписывается характер государств. Они вполне самостоятельны во многих важнейших вопросах государственного и национального строительства: их конституции являются продуктом собственного политического мышления, законы отвечают укладу их жизни, органы власти являются выразителями их собственной непринуждаемой воли...

Ни одно из этих положений неприменимо к советской „федерации", носящей шумное название „Союза советских социалистических республик". Ибо ни один из ее членов не может решать самостоятельно вопросов, связанных с действительной организацией своей государственно-правовой и национальной жизни. Над ними, как Дамоклов меч, висят возможные санкции не только в порядке общесоюзной юрисдикции, но и в порядке партийном и даже произвола ОГПУ. Нет такого вопроса в их жизни, в котором не были бы компетентны соответствующие общесоюзные органы и центральные органы компартии, не говоря уже о всемогущем аппарате ОГПУ.

В этих условиях наибольшей фикцией является „право свободного выхода" из состава СССР, предусматриваемое 17-ой статьей конституции. Это „право" из всех „прав", признанных на бумаге народам СССР, в наибольшей степени носит рекламный характер, не имея ни в какой мере реального содержания. Характерно, что сегоднешний советский диктатор уже давно снабдил „право на самоопределение" казуистическим толкованием, лишающим его всякого смысла. В 1923 году, на XII с'езде партии, Сталин, тогда еще нарком комиссариата по делам национальностей, говорил:

„Следует помнить, что кроме права народов на самоопределение есть еще право рабочего класса на усиление своей власти, и этому последнему праву подчиняется право на самоопределение. Бывают случаи, когда право на самоопределение находится в противоречии с иным правом, правом рабочего класса, пришедшего к власти для усиления своей власти. В таких случаях—это нужно сказать открыто—право на самоопределение не может и не должно быть препятствием в деле осуществления права рабочего класса на свою диктатуру".

Эта интерпретация является по существу полным отрицанием права на самоопределение народов. Больше того, она оправдывает всякий акт агрессии, который Советская Россия произвела в прошлом и намерена произвести в будущем. Сталин, несомненно, это именно и имел в виду.

Таким образом, право на самоопределение является лишь пропагандным трюком. Это положение подтверждено было Сталиным и в конце прошлого года, когда он, комментируя 25 ноября перед делегатами чрезвычайного с'езда советов текст конституции, заявил без всяких к тому оснований, что „у нас нет ни одной республики, которая бы хотела выйти из состава СССР." Было бы гораздо проще, если Сталин заявил бы, что не только казуистическая интерпретация права народов на самоопределение, но и многие пункты конституции, ограничивающие даже в мелочах волю членов советской „федерации", лишают это право всякого значения. Советский союз, в котором принцип самоуправления является фикцией, не есть даже федерацией. Тем менее поэтому его можно считать государством, в котором право на самоопределение играет какую бы то ни было роль.

Советский псевдофедерализм находится в полном соответствии с извечными антифедералистическими установками русской политической мысли. Так например, даже декабристы, несмотря на их наружный либерализм, были противниками федерации и великодержавниками. Виднейший из них, Пестель, в своей „Русской правде" в следующих словах говорил об идее федерализма в применении к тогдашней России:

„Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой сте-

пени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют, жители оных различные происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому, ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими или главными государствами... А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаемно в таковому устройству государства вести бы могло."

Почти на тех же позициях стоял и Герцен, старавшийся укрепить великодержавное положение русского народа при помощи панславистской федерации, где многочисленные неславянские народы находились бы без всяких прав.

Наконец, процитируем слова недавно еще коммунизанствующего П. Струве, высказанные им в 1912 г. по отношению украинского национального движения (статья „Общерусская культура и украинский партикуляризм"; „Русская мысль" № 1).

„Я—писал Струве—сознательно и решительно высказываюсь против заострения этих „областных" тенденций до политического и культурного партикуляризма, отрицающего общерусскую культуру, ее орган и символ — общерусский язык, и стремящегося областное украинское начало поставить в один ряд и на одну ступень с национальной стихией, которая, по моему глубкому убеждению, в единой России должна быть в этом смысле единой".

В дальнейшем, учитывая капиталистическую сущность дореволюционной России, Струве развивает те же мысли, которые служат Москве и сейчас, в условиях большевизма, обоснованием ее обрусительной и унификационной политики.

„Естественное — утверждал Струве — „стихийное" развитие, опирающееся на могущественный процесс в экономической жизни, благоприятствует общерусскому языку. Ведь не следует забывать, что он язык не только государственности, но и новой хозяйственной культуры (сейчас у большевиков — „язык октября", „язык социалистического строительства" и т.п.—Б.Б.). Капитализм разговаривает и будет разговаривать не по-малорусски, а по-русски. Помимо этого, поскольку капитализм привлекает на украинскую почву (и на каждую иную, как сейчас коммунизм—Б. Б.) великорусское население, он этим самым непосредственно вносит в первоначальную этническую цельность Украины известное разложение, могущественно усиливающее общерусский элемент в ущерб малорусскому".

Этот страх перед идеей равноправия народов и это отрицание за ними права на самобытность являются отличительной чертой всех оттенков русской политической мысли. И это понятно, так как насилие над своими более слабыми соседями и поглощение их были (и суть) двигателем русской политики на протяжении всей истории русского народа. Иного разрешения проблеме „имперского" сожительства народов русский народ не в состоянии дать, ибо, как известно, всякая привычка становится второй натурой.

Поэтому-то и сегоднешний советский федерализм, несмотря на свой обманчиво-привлекательный фасад, не может быть ничем иным, как только тем, чем он есть в действительности: фикцией, под прикрытием которой проводится старая, давно знакомая политика руссификации и поглощения. Не может быть иным и всякий иной федерализм, всякое иное сожительство под „общей имперской крышей", которым соблазняют угнетаемые народы евразийские и прочие сирены из русского лагеря в эмиграции.

„Имперская крыша" должна рухнуть. Угнетаемые народы должны быть свободными, должны получить свою Независимость.

Догуж

„Распоясавшиеся буржуазные националисты"

В „Правде" от 5-III-1937 г. появилось следующее знаменательное сообщение:

„Пятигорск 4 марта. (Корр. „Правды"). В Нагорном районе Кабардино-Балкарской Автономной республики грубо нарушается конституция СССР.

Недавно из некоторых селений этого района начали выселять отдельных жителей лишь потому, что они по национальности не кабардинцы.

В селении Сармаково давно проживает Дмитрий Яковлевич Татаринцев, сын которого служит в красной армии. 7 февраля к Татаринцеву явился сельский исполнитель. Он предложил Татаринцеву немедленно собрать вещи и, забрав с собою семью, выехать из селения.

— Почему? В чем дело?

— Имеется приказ о выселении русских.

Тов. Татаринцев с семьей пошел в сельсовет жаловаться. Но председатель сельсовета Гонгипшев лишь подтвердил, что действительно русские подлежат выселению из кабардинского села.

Гонгапшев — член партии. Он заявил в письменной форме, что директива о выселении русских и цыган получена им лично от председа-

теля Нагорного райисполкома Жемухова и секретаря Нагорного райкома партии Бекишева. Инспектор уголовного розыска в районе член партии Кумехов сообщил корреспонденту „Правды", что в конце февраля его вызвал к себе секретарь райкома партии Бекишев и предложил не чинить препятствий к выселению русских за пределы района".

К этому сообщению редакция газеты добавляет от себя, что она „обращает внимание Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) на неслыханные в советских условиях факты проявления буржуазного национализма" и надеется, что „партийные и советские организации республики тщательно расследуют весь вопрос и призовут к ответу распоясавшихся буржуазных националистов".

И действительно, „буржуазные националисты" на Северном Кавказе основательно „распоясались", и беспокойство „Правды" является вполне обоснованным. Характерное признание в связи с этим усилением национальной активности на Северном Кавказе делает Михаил Кахиани, глава краевой партийной контрольной комиссии, посвятивший вопросу борьбы с „буржуазными националистами" специальную статью. Статья эта под заглавием „Разгромить буржуазных националистов" была в апреле т. г. помещена во всех северокавказских республиканских и областных органах печати. Вот, что в ней констатирует Кахиани (цитируем согласно „Кр. Карачаю" от 27-IV-1937 г.):

„За последнее время в национальных республиках (Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии) и автономных областях (Черкесии и Карачае) заметно оживление буржуазных националистов, деятельность которых переплетается и смыкается с работой троцкистов, правых отщепенцев и прочих контрреволюционных элементов, связанных с агентами иностранных разведывательных органов. Стало быть — тут своеобразный блок бандитов с большой дороги, направленный к тому, чтобы всеми силами пакостить советскому государству. При этом характерно отметить, что в числе руководящих кадров этих контрреволюционных организаций оказались люди с партбилетами в кармане, которым удалось пробраться и на руководящие посты. Так, в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Черкесии разоблачены, как враги народа, некоторые бывшие члены бюро обкома.

Деятельность троцкистских, буржуазно-националистических и прочих контреволюционных элементов, как установлено теперь, шла по следующим главным направлениям. Первое— подрыв колхозного строительства путем прямого вредительства в сельском хозяйстве, развала колхозов, организации саботажа сельскохозяйственных работ, создания недовольства колхозников на почве перегибов, распространения всякого рода провокационных слухов. Второе — разжигание националистических настроений, путем протаскивания в национальную печать, литературу и в школы контрреволюционной националистической пропаганды. Третье — борьба с русской частью партийного руководства в республиках, путем попыток дискредитации и стремления изолировать русских работников. Четвертое — подготовка диверсионно-террористических актов.

Вследствие беспечности и ротозейства наших работников на местах, буржуазным националистам удалось провести значительную вредительскую работу. Факты, вскрытые за последнее время, ярко об этом свидетельствуют".

Таким образом, „буржуазные националисты", несмотря на долголетнюю борьбу с ними, не только не прекращают свою деятельность, но, наоборот, за последнее время заметно ее оживили.

Если разобрать это усиление национальной сопротивляемости, то мы увидим, что оно находится в прямой связи с усилением руссификаторских и централистических стремлений Москвы. Ассимиляторская акция, руководимая из центра, встречается на местах с мощной национальной реакцией. Борьба ведется с ожесточением, и национальный Северный Кавказ отнюдь не намерен уступать без боя своих позиций.

Весьма часто при этом северокавказские „буржуазные националисты" идут на пролом, принимают решения, которые являются открытым вызовом правящей власти. Таковым, например, является решение о выселении русских, вызвавшее возмущение „Правды". История этого выселения весьма показательна. Более подробно о ней пишет газ. „Сев.-Кавк. большевик" от 9-IV-1937 г.

„В 1932 году — читаем в газете — в селениях Хабаз, Светловодское, Брунненталь и Зольское стали поселяться украинцы, немцы и другие национальности.*)

И вот однажды в 1936 году по селениям распустили слухи о кражах сена, соломы и кур. Коренные жители считали, что воровство совершают приезжие жители. Население стало об этом сигнализировать председателю Нагорного райисполкома Баг Жемухову. По-своему Жемухов „прислушивался" к их сигналам. Вместо того, чтобы выявлять конкретных виновников в краже, этот буржуазный националист заявлял:

— Надо избавиться от приезжих путем выселения.

Так началось незаконное выселение граждан.

Четвертого февраля в селении Зольском (райштаб) состоялось заседание президиума Нагорного райисполкома, на котором присутствовали председатели сельских советов. На этом заседании один из председателей сельсоветов задал вопрос Жемухову:

— Что делать с русскими, проживающими на селе?

— Надо всех приезжих немедленно высе-

---

*) Это „нашествие" на Кабарду является, несомненно, результатом свирепствовавшего в 1932—33 г.г. в южных районах СССР голода.

лить из Нагорного района — ответил Жемухов.

На другой день председатели стали поодиночке вызывать к себе в сельсовет приезжих жителей и предупреждать их, что на основе распоряжения райисполкома они должны выехать из селения. Затем стали посещать жителей и сельские исполнители.

Первым приступил к выполнению распоряжения председатель сельсовета селения Сармаково Маш Гонгапшев. Он собрал сельских исполнителей Калова Б., Пагова Ш. и Гонгапшева Т. и дал им срочное задание: предупредить всех приезжих, проживающих в селении Самарково, о том, что их будут через три дня выселять. Так были предупреждены о выселении 45 семейств, из которых два семейства были выселены в принудительном порядке. Это — Корниенко Петр и 15-летняя Орлова Пелагея. Их вещи были выброшены на улицу.

Таким же порядком были предупреждены о выселении и жители селений: Камлюко, Шардаково, Малка и Залукокоаже.

Буржуазные националисты распоясались вовсю. Например, в селении Зольском заведующий Нагорным земельным отделом Али Шериев лично обходил квартиры украинцев, проверял их документы, расспрашивал, чем занимаются, а в конце обследования повышенным тоном заявлял:

— Вам нужно отсюда выехать. Всех украинцев будем выгонять!

Националист Шериев всячески препятствовал единоличникам вступать в члены колхоза („единоличниками" были переселенцы – Д.). Он грубо нарушал сталинский устав сельскохозяйственной артели.

Привлечены к уголовной ответственности Жемухов, Шериев, Гонгапшев М., Пагов, Жириков, Гонгапшев Т. и Калов. 16 апреля выездная сессия Верховного суда КБАССР будет слушать это дело показательным процессом в селении Сармаково. По делу вызываются 62 свидетеля".

Ясно, конечно, что инициаторы выселения предвидели бурю, которую вызовет их распоряжение, и, если, несмотря на это, оно ими было все же принято, то несомненно потому, чтобы демонстративно выразить протест против непрекращающейся, систематически проводимой и советской властью, колонизации Северного Кавказа русско-украинскими переселенцами. Кстати, все „виновные" в этом деле были уже судимы и приговорены к различным срокам тюремного заключения и трудовых работ.

Не менее характерны и другие проявления „буржуазного национализма". Вот, например, какие настроения господствуют среди писателей Северного Кавказа:

„За два года Даггосиздатом выпущено лишь несколько случайных названий художественной литературы. Взятые на себя обязательства — перевести лучшие произведения классиков (русских, конечно — Д.) на дагестанские языки, союз советских писателей саботирует.

Факты, характеризующие работу Дагестанского союза, характерны для писательских организаций всего края.

Именно отсутствием политической работы среди писателей Чечено-Ингушетии и Северной Осетии можно об'яснить, например, то обстоятельство, что книги большинства членов этих союзов посвящены только лишь прошлому их народов.

В активе работ писателей этих республик нет ни одного крупного произведения (за исключением стихотворений), которое отражало бы героику социалистической стройки, показывало бы новых людей, выросших на колхозных полях, на фабриках и заводах.

Мимо писательских организаций проходят важнейшие события, происходящие в стране. Достаточно указать, что союз писателей в Чечено-Ингушетии не обсудил даже вопросов о формалистических извращениях в литературе и искусстве, не откликнулся на ошибки Камерного театра Эйзенштейна.

Ни в Северной Осетии, ни в Чечне, ни в Карачае, ни в Черкесии писатели не обсудили еще итогов последнего пленума ЦК и не сделали для себя из них никаких выводов" („Ордж. правда" — 24-IV-1947).

В той же газете („Ордж. пр." — 11-V-1937), в статье под заглавием „Авербаховщина в Дагестане", читаем:

„С русскими писателями, творчески связанными с Дагестаном, у руководства (дагестанским союзом советских писателей — Д.) установились нетоварищеские, недружелюбные отношения.

Гереев, Аурбиев и Гаджибеков (члены „руководства" — Д.) утверждают, что русские писатели не имеют права писать о Дагестане, т. к. они не знают дагестанских языков и не могут „правильно воспринять и отразить действительность". Это — вредная националистическая галиматья".*)

Как видим, ожесточенная борьба ведется и на „фронте литературы". И здесь акция вызывает реакцию. На все стремления власти привить северокавказской литературе „революционную" тематику и насытить местного читателя переводами русских классиков, северокавказские писатели отвечают книгами о прошлом своего народа и бойкотом русской литературы. Более того, они стараются недопустить русских писателей к северокавказской тематике.

Нежелание заниматься „актуальными вопросами дня" является характерным для всех отраслей творческой мысли на Северном Кавказе. Так например, некий Я. Лурье обвиняет в „Прол. Осетии" (№ 87 — 15-IV-1937) руководителей Северо-Осет. научно-исслед. института в том, что они „не желают пальцем шевельнуть для решения насущнейших вопросов сегодняшнего дня" и „занимаются чем угодно, только не тем, что от них требуется". Особенно винит он

*) Между прочим, писатель Юсуф Гереев, о котором идет здесь речь, является по происхождению русским. Оставшись сиротой в детском возрасте, он попал в кумыкскую семью и был воспитан как горец.

в этом „буржуазных националистов"—проф. Дзагурова, руководящего литературным отделением института, и проф. Алборова, руководителя лингвистическим отделением. О последеем Лурье пишет:

„Алборов считается в институте непререкаемым авторитетом. Почему? Что дает ему право на это, кроме бесконечных ошибок? Он издает „Абречьи песни" и „Историю осетинской письменности" и проявляет себя в этих работах как буржуазный националист. В работах по осетинской грамматике он идет вразрез со всем советским языкознанием, говоря о происхождении осетинского языка от мифического индоевропейского „праязыка". Советская наука о языке говорит, что человечество от великого множества языков идет к единому языку. По Алборову получается наоборот: был один „праязык" и он все больше и больше разветвляется".

Аналогичное обвинение в игнорировании „насущных вопросов сегоднешнего дня" пред'является и руководству Дагестанского научно-исследовательского института культуры, директором которого является Гаджи Гаджибеков. Оказывается, институт не желает выпустить монографии „о лучшем ашуге страны гор—Сулеймане Стальском", тошнотворнохвалебные оды коего о советских „вождях" являются типическими образцами официальной советской поэзии. Мало того, Гаджибеков осмелился назвать Сулеймана Стальского „старым неграмотным поэтом", которому „все труднее становится разбираться в новой обстановке". Некий Н. Федоров, сообщающий об этом в „Ордж. правде" от 11-V-1337 г., называет такое поведение руководства Даг. научно-иссл. института проявлением „полного равнодушия ко всем большим литературным событиям" и свидетельством его „политического невежества",

Но и в тех случаях, когда „большие события" находят свое отражение в печати на местных языках, это не всегда проделывается в угодном большевизму духе. Так например, в заметке „Гнездо буржуазных националистов" („Ордж. правда" — 28-IV-1937) читаем:

„Изданный на абазинском языке доклад товарища Сталина на VIII с'езде советов о новой конституции союза извращен до неузнаваемости. Отдельные цитады товарища Сталина извращены в контрреволюционном духе".

Так противодействуют ассимиляторской политике Москвы „распоясавшиеся буржуазные националисты", борьба против которым ведется на Северном Кавказе с марта т. г. с новой силой. Жертвой ее стали, между прочим (см. „С. К." № 35), виднейшие представители северокавкасского коммунизма: председатели облисполкомов Карачаевской и Черкесской авт. областей Курбан Курджиев и Хамшик Камбиев. Сейчас советская печать продолжает „разоблачать" „буржуазных националистов" в Дагестане (Аурбиев, Шовкринский, Хан-Магомедов, Гаджибеков и др.), в Чечено-Ингушетии (Авторханов, автор „Революции и контрреволюции в Чечне", которого обвиняют в том, что он „разжигает рознь между горцами и казаками"), в Северной Осетии (Дзагуров, Алборов, писатель Нигер и др.), в Кабардино-Балкарии (здесь под подозрение взять даже сам „непоколебимый" Калмыков) и т. д. Все это далеко не свидетельствует об ослаблении воли к борьбе на Северном Кавказе.

Но, все же, наиболее показательной для событий, происходящих сейчас на нашей Родине, мы считаем нижеследующую заметку, взятую нами из газ. „Красный Карачай" от 9-V-1937 г.:

„2-го мая счетовод колхоза им. Кирова аула В.-Мара Нарыжный и рабочий Черкунов со своими семьями возвращались с прогулки домой. Недалеко от дома их встретили два человека. Это были известные хулиганы-националисты Блимготов Чеплю и его помощник в гнусных делах Турклиев Али. С криком: «бей русских» они набросились на Нарыжного и Черкунова и начали избивать их. Черкунов, получив сильный удар в голову, побежал, обливаясь кровью, к аулсовету, а Блимготов и Турклиев вторично набросились на Нарыжного.

Здесь же неподалеку стояла жена Черкунова с маленьким ребенком. Блимготов набросился и на жену Черкунова, поднял ее на руки и вместе с ребенком сбросил на дорогу.

Когда Нарыжный бросился помагать женщине, Турклиев ударил его чем-то острым, рассек кожу на голове.

Проходившим людям еле удалось спасти избитого. Рабочий Черкунов прибежал в комнату участкового милиционера Байрамукова Узеира и заявил о случившемся. Байрамуков презрительно посмотрел на Черкунова и грубо заорал: «Вы сами виноваты! Носит вас тут чорт!» и вытолкал Черкунова.

К этим врагам народа — националистам до сих пор не принято никаких мер.

Заметка эта озаглавлена—„Националисты действуют безнаказанно". Действующими лицами в этом происшествии со стороны северокавказцев являются простые люди, воспринимающие внешние явления без излишнего мудрствования. И мы видим, что для них лозунг „бей русских" есть естественным следствием того, что русские „сами виноваты", ибо на Северном Кавказе они являются незванными пришельцами, ибо здесь их „носит чорт".

Эта здоровая народная логика поможет Северному Кавказу выдержать натиск воинствующего большевизма, как в свое время она помогла выдержать руссуфикаторский натиск царизма.

Mektub ve yazıların mecmua müdürünün yeni adresine gönderilmesi rica olunur.

Просим переписку направлять по новому адресу редактора.

AHMED HAN AVARSKİ — АХМЕД ХАН АВАРСКИЙ

Ahmed Han Avarski, 5 Mayıs gecesi Paris'de vafat etti. Merhum, avar hanları ailesine mensub idi. Daha genc yaşta, 42 yaşlarında iken gözlerini hayata kapadı. Ahmed han, şimalî kafkasya muhacereti arasında her kesin sayğı ve seygisini kazanmış bir adam idi; bilhassa dağıstan gençligi arasında çok maruf idi. Refikasının (bir kaç yıl evvelisi İstanbul'da vefat eden kn. Nuh-Bek Tarkovski'nin büyük kızı ile evlenmişti) vefatını müteakib, verem hastalığına tutulmuştu. Onu ölüme götüren de bu hastalık oldu. Merhum samimî bir vatansever ve asil bir dağlı idi, daima mütevazi ve samimi idi. Muhacirliğim ilk, bilhassa ağıyıllarında o, daha genc olmasına rağmen, şahsî dostr larını Avrupa kapitalistlerini kendi şahsiyetiie alakadar etmege muvaffak olmuş ve bu kapitalistlerin yardımile Türkiye'de büyük ticarî bir müessese kurmuştu. Bu iş, bir çok muhacir, bilhassa o zamanlar çalışmak için müşkülat çeken münevverler için bir nevi halaskâr bir el oldu. Ahmed Han 40 şimalî kafkasyalıyı o cümleden Şimalî Kafkasya Cumhuriyeti'nin sabik 4 nazirini bu işe yerleştirmege muvaffak olmuş ve bu suretle muhacirlere uzun seneler müemmen bir hayat temin etmişti.

Allah rahmet eylesin!

M. Ts.

Ahmed Han Avarski — Ахмед Хан Аварский

В ночь на 5 мая т. г. в Париже скончался Ахмед Хан Аварский. Покойный происходил из рода аварских ханов. Умер он в сравнительно молодом возрасте. Ему было 42 г. Среди северокавказской эмиграции Ахмед Нан пользовался всеобщим уважением и любовью; особенно популярен был он среди дагестанской молодежи. После смерти жены (он был женат на старшей дочери кн. Нух-Бека Тарковского, которая скончалась несколько лет тому назад в Стамбуле), он заболел туберкулезом. Эта болезнь теперь свела его в могилу. Покойный был искренним патриотом и настоящим горцем—был всегда сердечен и отзывчив. В первые, особенно тяжелые, годы нашей эмиграции, он, несмотря на свою молодость, с'умел заинтересовать своих личных друзей—капиталистов в Европе, при содействии которых создал крупное коммерческое общество в Турции. Это дело явилось, как бы, неожиданным спасением для многих северокавказских эмигрантов, особенно для интеллигенции, которой труднее было в те времена применить свой труд. Ахмед Хану удалось пристроить при этом деле около 40 человек северокавказцев, в том числе 4 б. министров Республики Сев. Кавказа, и, таким образом, обеспечить им жизнь в течении нескольких лет. Да будет ему легка чужая земля!

М. Ц.

Доклад Эмин-бея Расул-Задэ

(Письмо из Берлина)

21 мая т. г. в помещении Клуба Гумбольд редакция „Куртулуш" организовала доклад лидера Азербайджанского национального движения Эмин-бея Расул-Задэ на тему — „Азербайджанский вопрос".

Доклад собрал многочисленную аудиторию, состоящую преимущественно из немцев — представителей профессуры, журналистики, научных и общественно-политических учреждений, а также студенческого мира. Присутствовали, разумеется, и представители эмиграций прометейских народов — Туркестана, Кавказа, Украины, Идел-Урала и др. порабощенных Россией народов.

В начале доклада, по просьбе представителя редакции „Куртулуш" г. Хиляла Мунши, известный тюрколог и друг кавказских народов, профессор Берлинского университета д-р Готтхард Ешке представил немецкой аудитории Эмин-бея и сказал яркое и осведомленное вступительное слово, в котором познакомил слушателей с темой доклада и дал характеристику самого докладчика, как видного политического деятеля не только Азербайджана, но и всего тюрко-мусульманского мира, порабощенного Россией, а также борющегося за осу-

ществление независимости и конфедеративных начал Кавказа.

Полуторачасовый доклад Эмин-бея охватил все главнейшие этапы азербайджанского вопроса и выявил его, с одной стороны, как элемент общей национальной проблемы в СССР, а с другой — как неразрывную часть проблемы общекавкасского национально-освободительного движения.

Докладчик особо остановился на современной части темы и на основании советских данных ярко и живо представил картину народной борьбы против красных оккупантов, которые на 17-ом году оккупации имеют против себя не только явных националистов и различного рода „классовых врагов", но и т. н. национальных уклонистов, ряды коих пополняются из среды элементов, покровительствуемых и выдвигаемых правящей властью.

В заключительной части доклада, подробно разобрав отношение порабощенных народов к мировой антибольшевистской борьбе, Эмин-бей отметил роль и значение национальной проблемы в СССР и указал, что исторические процессы XIX столетия, приведшие европейские нации к раскрепощению, говорят о том, что час освобождения неизбежно настанет и для народов, ныне порабощенных Россией.

„С такой верой в конечное торжество своих идеалов — гласила заключительная часть доклада — азербайджанский народ, в союзе со своими вековыми соседями — народами Кавказа, высоко держит знамя борьбы, на котором написано: национальная часть, свобода и независимость".

Слова эти покрыты были шумными и долгими апплодисментами присутствующих.

Затем, председательствующий на собрании, профессор Ешке, поблагодарив как докладчика, так и слушателей, сказал, что мало осведомленное в вопросах национальной проблемы в СССР германское общественное мнение проявляет в последнее время известный интерес в этом направлении, и он, профессор Ешке, надеется, что современная Германия не повторит ошибки старой Германии и осознает, что Россия — это не единый народ, а конгломерат народов, добивающихся осуществления своих законных прав на свободную и независимую жизнь.

По окончании доклада, многие из присутствующих представителей германской общественности подходили к докладчику и лично благодарили его за содержательный и прекрасный по форме доклад. Выражены были при этом и пожелания об издании доклада отдельной брошюрой.

Доклад безусловно произвел сильное впечатление и способствовал актуализации азербайджанского вопроса, как составной части общекавкасской проблемы. В большой немецкой прессе — как столичной, так и провинциальной („Фёлкише Беобахтер", „Ангриф", „Нидерзаксише Тагесцайтунг" и др.) появились статьи и заметки, посвященные докладу, в которых выражались большие симпатии по адресу кавкасских народов, самоотверженно борющихся против кровавого режима большевистской диктатуры и красного империализма.

Выступление Эмин-бея показало, что в Германии имеется трибуна, откуда мы можем смело и громко говорить о судьбе наших народов и целях нашей совместной борьбы за свободу и независимость. Побольше таких выступлений!

Кавкаслы.

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

DAĞISTAN, ÇEÇEN-İNGUŞ, ŞİMALÎ OSETİYA VE KABARDİN-BALKAR „MUHTAR CUMHURİYETLER" İNİN YENİ „KONİSTİTUSYON" LARI TASDİK EDİLDİ

Dağıstan, Çeçen-İnguş, Şimalî Osetiya ve Kabardin-Balkar „muhtar cumhuriyetler" inin „konistitusyon" ları Nisan ayında vilayet icra komiteleri tarafından tasdik edildi. „Konistitusyon" ların metinleri vilayet sovyet gazetelerinde neşr edildi. „Konistitusyon" lar malum olduğu üzre sovyet siyasî ve idarî merkeziyetciligini daha fazla takviye etmiş olan „büyük stalin konistitusyon"u esasına göre tertib edilmiştir. Fakat, „konistitusyonlar" Şimalî Kafkasya hususunda ayırıcı bir zihniyet taşımaktadır. Mesela, Çeçen-İnguş muhtar cumhuriyetinin konistitusyonu çeçen dilini inguş dilinden ayırmış ve bunları iki ayrı dil olarak kabul etmiştir. Halbuki Çeçen-İnguş muhtar cumhuriyetinin kültür adamları, haklı olarak, çeçen ve inguş dillerini bir dilin iki ayrı lehcesi diye kabul ettiklerinden çeçen-inguşlar için müşterek edebî dilin umumî kaidelerini tesbit için müteaddid defalar kararlar almışlardır. Dağıstan muhtar cumhuriyetinin yeni konistitusyonu dahi dil hususunda ayni ayırıcı zihniyeti taşımaktadır.

İMAM ŞAMİL HAKKINDA BİR SOVYET ESERİ

Sovyet Rusya'sında bugün modada olan yazıcılardan „Şarkta" nam japon aleyhdarı kitabın müellifi P. Pavlenko İmam Şamil'in hayatına dair bir roman yazmakla meşguldur. „Büyük adamların hayatı" serisine dahil bulunacak olan İmamın populer tercümei halini dahi bu adam yazacaktır. Bununla alakadar olarak „Orconik. Pravda" gazetesi, muharrirlerinden birinin müellifle vuku bulmuş bir mülakatını derc etmektedir.

Pavlenko'nun anlattığına göre, roman, „küçük Yarık köyünde rus kolonizatorlarına karşı başlıyan ilk protesto hareketinden" başlamakta ve Stalin ile yanı „sovyet milleti babası" nın 1920 yılında Temir-Han-Şura'da bolşevik kongrasında „Dağıstan muhtariyetini" ilân ettigile bitmektedir.

Bu iki ismin bir kitabda bir araya getirilmesinden müellifinin esere ne gibi bir mahiyet verecegi kestirile bilir. Hiç şüphesiz bu yeni kitab, Kafkasya dağlarının hürriyeti için çarpışan büyük mücahid hakkında yalan, iftira dolu bir sovyet eseri olmaktan kurtulamıyacaktır. Eser, tarihî bir mahiyet taşımasına rağmen tarihî hakıkate pek te uyğun bir şey olmıyacaktır. Nitekim muellifin bilahere bütün Şimalî Kafkasyaya yayılan rus aleyhtarlığının çıktığı yer diye gösterdigi Yarak (Yarık değil) auluna ilk protesto ocağı rolunu atfedişi de bunu gösteriyor.

Hakıkat halde ise Şimalî Kafkasya'nın Rusya ile mücadelesi, müellifin mevzuu bahsettiği devirden çok daha evvel başlamıştır. Yarak aulu ise Şeyh Cemalettin Efendiye tarikat talim etmiş olan yaraklı Şeyh Muhammed Efendi Yarakî'nin ikamet ettigi bir mahel olmuştur. Şeyh Cemalettin Efendi de bilahere imam olmuş ve rus menbalerinde maruf Müridizm tabirile anılan tarikatı, teşkil ettikleri millî harekete bir esas olarak almış bulunan Kazı Muhammed ve Şamilin ustadı olmuştur. Bu suretle Yarak aulu Müridizmin inkişafile münase-

battar bir yer olub Şimalî Kafkasya'ya daha ilk sokuluşlarında amansız bir mukavemete maruz kalmış olan „rus kolonizatorlarına karşı yapılan ilk protesto hareketleri" nin mahelli olmuş degildir.

Pavlenko'ya göre, „münakaşa götürmez gibi adedilen bir çok tarihî vesaikin yeniden dikkatle tetkik ve tahkike ihtiyac göstermesi keyfiyeti" yazı işini müşkülata uğratıyormuş. Pavlenko, icab eden materyalı aramak hususunda epeyi emek sarfettigini söylemektedir. Bunu anlatırken bazı tafsilat dahi zikretmektedir. Bu tafsilat bizim karileri dahi alakadar edebilecek mahiyettedir. „Orconik. Pravda" gazetesi muharriri tafsilatı şu şekilde anlatmaktadır:

„Pavlenko yeni eseri için Gürcüstanda, Leningratta iki defa Dağıstan'da hemen hemen bütün dağlık mıntaikalarda, bilhassa en büyük hadiselerin cereyan ettiğ- Ahulko, Salt, Ginır, Gergebil ve Günib gibi köylerde bulunmuş ve buralarda millî—kurtuluş harbine iştirak etmiş bulunan bir kaç ihtiyar bularak onlarla görüşmüştür.

Pavlenko, İmamın muasırı bulunmuş arabiyatcılar tarafından yazılmış olub Şamilin şahsiyetine aid olan bir çok vesaik hususunda en iyi sovyet şarkıyatçilarile görüşmüştür. Kafkasya'daki İmamat ve Müridizme aid şayani dikkat vesaikin çoğu, ancak son dört—beş senedirki ilmî tetkik mevzuu olmuştur. Eskide bu gibi şeylerle meşgul olunmamış ve bir çok vesaikın muhafazası dahi düşünülmemiştir. Vesaikın mühim bir kısmı bir daha ele geçmiyecek surette ortadan kaybolmuştur. Hadiselerin tarihini tesbit, karakterleri yaratmak mücadele edenlerin şu ve ya bu hareketini izah etmek işinde müellif ancak şimdi ele geçmiş el yazısı menbalerden epeyi istifade etmiştir. Kafkasya'daki rus ordu kıtaatına aid vesaiki askerî arşivlerde bulmak kabil isede, lâkin muhasim tarafın askerî cihetine aid vesaiki ele geçirmek mümkün degildir. Bunun içindirki, Şamilin bilavasıta iştirakile Muhammed Tahir tarafından kaleme alınmış olub bir müddet evvel bulunmuş olan el yazısı tarih kitabı, Kafkasya tarihi için büyük bir kazançtır. Pavlenko'nun eseri için ise, bu kitab çok ehemmiyetlidir. Bu el yazısı nushanın sayesinde, rus resmî vak'anevislerile Şamil'in müverrihleri tarafından tasvir edilen ayni vak'alerin izahını karşılaştırmak imkânı hasıl olmuştur.*)

Gazete muharriri sözüne devamla diyorki:

„Şamil'in esir edildikten, bilhassa Kaluga'ya getirildikten sonra kendi vaziyetine riza gösterdigine dair yanlış bir düşnce mevcud idi. Bu fikir Şamil'i olduğu gibi tasvir etmeyen Runovskinin bitaraf bir şekilde yazılmamış bulunan notlarından çıkmıştır. İmamın „Şark nezaketi" ni Runovski başka türlü anlamıştır. Müellif, (doğru tarihî vesaike dayanarak) Şamilin Kaluga'daki siyaset ve hareketinin iki türlü olduğunu göstermek niyetindedir.

Şamil'in şahsiyetini bu tarzda tafsir ne anlayış en doğru ve tarihî hakıkate uyar anlayıştır. Eski askerî müverrihler ise bu ciheti mümkün mertebe tahrif etmege gayret etmişlerdir.

Pavlenko'nun anlattığına göre, kendi eseri için, doğrudan doğruya mevzuu ile alakadar olan Kafkasya'ya aid (mevcud 20 bin eserden) (unvan) sekiz bin eser (unvan) gözden geçirmiştir.

Pavlenko, yeni roman üzerindeki faaliyet tecrübesini müverrih ve yazıcılara anlatırken bazi dikkate deger vak'aler de kaydetti. Meselâ o, Leningrad mahzenlerinden birinde Şamil'in bir büstü olduğunu haber almıştır. Geçen asrın sonlarında hükûmet mehafili Şamilin bir büstünü yaptırmak niyetinde idi. Bu maksadla Kaluga'ya bir heykeltiraş gönderilmiş ve Şamil'in haberi olmadan (malûm olduğu üzre canlı mevcudatın bilhassa insanin tasviri Kuran'ca yasak edilmiştir) büstünün yapılması tenbih edilmiştir. Heykeltiraş vazifesini yapmış ve büstü hazırlamıştır. Fakat bilinmez ne sebebeden ise büst bilahere tunc olarak dökülmemiş ve arşive teslim edilmiştir. Bunu haber alan Pavlenko, büstü araştırmağa başlamış, fakat bulamamıştır. Büstü ararken Derjavin'in malûm olmıyan bir elyazısını bulmuştur."

Muharrir yazısını şununla bitirmektedir:

„Pavlenko'nun Kafkasya hakkındaki romanı edebiyatımızda gene ayni müellifin „Şarkta" nam eseri gibi büyük bir hadise olacaktır. Millî—kurtuluş harbinin mevzuu, 1877 isyanı, 1905-ci yıl ve Dağıstanda vatandaş harbi—çok kuvvetli ve meraklı bir mevzudur."

Fakat, bir daha tekrar ediyoruz, müellifin bu „çok kuvvetli ve meraklı" mevzu ile geregi gibi başa çıkmak arzusunu gösterecegini pek te zanetmiyoruz. Rus emperyalizminin en amansız düşmanlarından olan bir şahsiyeti, Stalin mutlakıyetinin hakim bulunduğu bir yerde bitaraf, objektif olarak tasvir etmek imkânı yoktur.

*) Bu el yazmasının bulunduğunu mecmuamızın 1936 sene İkinci Teşrin tarihli nushasında derc edilmiş „Şamilin bâzi gazavatlarında dağ kılıclarının parlaklığı" mekalesinde haber vermiştik.

HAiNiN KATLi

Dağıstan'ın Korkmaz-Kala aulunda Korkmaz-Kala mıntaka icra komitesi reisi Abu-Mutalib Bagmadov, mıntaka gazetesi müdürü Batırov'u öldürmüştür, „Pravda" gazetesinin haber verdigine göre, Batırov merkezi Urahi aulunda bulunan ve reis Bagmadov'un da dahil bulunduğu „burjua milliyetçileri" grupunu „ifşa" etmiş, daha dogrusu jurnal etmiştir. Grup azasının çoğu tevkif edilmiş, hain ise jurnalcılık yüzünden kellesini vermiştir.

НАПАДЕНИЕ „БАНДИТОВ"

„Ордж. правда" от 6-V-1937 г. пишет:

„Недавно в Ессентуках, около 11 часов ночи, на фельд'егерей районного отделения НКВД Котова и Жученко, несших сумку с крупными денежными ценностями, напали двое вооруженных бандитов. Между фельд'-егерями и бандитами завязалась перестрелка и потом рукопашная схватка. Котову бандитами было нанесено несколько ран, от которых он тут же умер.

Одному из нападавших удалось скрыться, другой задержан и оказался крупным уголовным бандитом Доттуевым Хаджи Даудом, имеющим за собой до 10 убийств и десятки дерзких грабежей и налетов. Розыски его соучастников ведутся. Ценности бандитам унести не удалось.

В задержании бандита Доттуева активно участвовали милиционер Черников, сторож Курортснабторга Чувакаев и повар одного из санаториев Морозов".

Удивительные „бандиты" на Северном Кавказе!... В царские времена они нападали на чиновников, казенные учреждения и т. п., а сейчас—на фельд'егерей НКВД (б. ОГПУ), ответственных коммунистов, совхозы и т. п.

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

„Соц. Каб.-Балк." от 10-V-1937 г. помещает следующее сообщение своего корреспондента:

„Псыхурей. 2 мая на квартиру агронома стахановца Сычевского Дмитрия явился житель этого селения Маша Сижажев и нанес ему несколько ударов, пытаясь убить.

Сижажев при этом кричал, что он давно собирается убить Сычевского за то, что тот живет в доме, принадлежавшем его брату—кулаку, осужденному за контрреволюцию к высылке.

Сам Сижажев белогвардеец. Был в эмиграции. По возвращении в селение он был принят в колхоз, но вел подрывную работу, агитировал колхозников выходить из колхоза и за это был осужден на несколько лет тюрьмы.

Отбыв наказание, он снова вернулся в колхоз.

Вылазка врага вызвала возмущение всех колхозников. Они знают Сычевского как лучшего друга и подлинного стахановца. Они требуют немедленного суда над обнаглевшим бандитом. (Такое поведение „колхозников" кажется нам весьма сомнительным и невероятным).

Однако, обращает на себя внимание преступное отношение к этому делу местных и баксанских районных организаций, а особенно прокуратуры и милиции.

Сычевский в тот же день написал жалобу в сельсовет, но только на другой день сельсовет отправил эту жалобу прокурору, не позаботившись немедленно по телефону сообщить о гнусной вылазке обнаглевшего врага народа. Но районная прокуратура и милиция, получив материал сельсовета, выехали в Псыхурей для следствия только 9 мая. Этот факт говорит о том, что в прокуратуре района недостаточна бдительность и прокуратуре республики следует проверить работу Баксанского райпрокурора".

В номере от 12-V-1937 г. та же газета пишет об этой истории более подробно:

„По сигналу газеты „Соц. Кабардино-Балкария" о гнусной вылазке врага в сел. Псыуурей прокуратурой республики произведено расследование дела. Выяснены следующие подробности.

2 мая на квартире стахановца-агронома Сычевского собрались гости. Вечером неожиданно вошел Сижажев Маша. Тов. Сычевский пригласил его к столу. Сижажев ответил:

— Ты меня приглашаешь быть гостем, а ты забыл, как на всех собраниях ты говорил, что я лодырь, работаю плохо и разлагаю колхоз. Я к тебе пришел не в гости. Ты живешь в доме моего брата. Это мой дом.

Сижажев начал ругаться нецензурными словами. Тогда Сычевский попросил хулигана удалиться. Сижажев не уходил, продолжая наносить ему оскорбления и угрозы. Присутствующие гости, в числе которых находился и родственник Сижажева, вывели Сижажева из комнаты. Тогда он подошел к открытому окну с колом в руке и через окно нанес удар агроному Сычевскому, намереваясь убить его.

Агроном Сычевский — один из лучших стахановцев-специалистов района, пользуется большой любовью среди колхозников Псыхурея. Он неоднократно разоблачал вредительскую работу Сижажева, браковал эту работу, заставляя переделать, и неоднократно выступал на колхозных собраниях с критикой антиколхозных действий Сижажева.

Сижажев с 1918 по 1920 год служил добровольно в банде Серебрякова и зверски расправлялся с большевистски настроенными жителями Псыхурея. С 1920 по 1924 год вместе с белогвардейцами эмигрантами был за границей и вернулся в селение в 1924 году, но и здесь продолжал вести вражескую работу. Разлагал дисциплину, не выполнял распоряжений бригадира и правления и вел антиколхозную агитацию. В 1935 году он был исключен из колхоза, но затем снова пришел в колхоз.

Три брата Сижажева осуждены за убийство председателя колхоза Гучинова и за участие в контрреволюционных выступлениях против советской власти. Два брата были исключены из колхозов за подрывную работу и скрылись из селения.

Прокуратурой выяснено, что руководители колхоза, получив заявление тов. Сычевского утром 3 мая, не придали ему должного политического значения. Председатель сельсовета Батыров только 6 мая направил материалы районному прокурору почтой. Районный прокурор получил материалы только 8-го, и пакет лежал в прокуратуре нераспечатанным два дня ввиду отсутствия прокурора тов. Мирзоева.

Следует отметить тот факт, что о покушении на агронома еще 4 мая было сообщено директору МТС тов. Савкуеву. Однако до приезда работника республиканской прокуратуры тов. Савкуев никаких мер не принимал, хотя он отлично понимал значение дела.

— Да, это имеет политическое значение, но подробно я этим делом не интересовался, ответил он помощнику прокурора республики.

Районный комитет партии, узнав о случившемся в Псыхурее покушении на общественника-стахановца, также не проявил особенного интереса. Тов. Тлупов не потрудился даже выехать с помощником прокурора республики в селение".

Если учесть, что недавно в той же самой Кабарде закончился процесс целого ряда ответственных коммунистов-кабардинцев, обвиненных в насильственном выселении из аулов пришлых русских переселенцев (более подробно об этом говорится в статье Догужа в настоящем номере), то мы увидим, что на рискованные протесты, грозящие в советских условиях потерей головы, решаются не только доведенные до отчаяния беспрерывными преследованиями Сижажевы, но и видные агенты советской власти, комплектуемые из местных „националов".

„ТРОЦКИЗМ" И „БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ" СРЕДИ „СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ" В ГРУЗИИ

„В прошлом номере нами была перепечатана из „Правды" заметка некоего Кирпотина, посвященная национализму в армянской советской литературе. Ныне А. С. Татаришвили в газ. „Заря Востока" (10-V-1937 г.) пишет о „троцкизме" и „элементах шовинизма и национализма" среди писательских организаций в Грузии.

„В течение двух лет — пишет Татаришвили — во главе союза советских писателей Грузии стоял ныне разоблаченный прожженный двурушник и заклятый враг народа Торошелидзе, вся „деятельность" которого в союзе писателей была направлена к развалу литературной работы и дезорганизации советской литературы. На страницах литературных газет подвизались последыши контрреволюционера Вардина — троцкистские наймиты Платон Кикодзе, Нароушвили, Феодосишвили и другие.

Несомненно, что в результате беспечности и благодушия, притупления революционной бдительности мы не сумели во-время разоблачить гнусных врагов народа.

Торошелидзе заставил одного из членов делегации грузинских писателей выступить на всесоюзном с'езде писателей от имени делегации с заявлением о солидаризации с вредительской позицией контрреволюционера Бухарина в области советской поэзии.

Торошелидзе, оттирая на задний план талантливых писателей, выдвигал слабые произведения, всячески агитируя за них. Примером такого покровительства Торошелидзе может служить его предисловие к поэме Пхакадзе „Трудодни", поднятой им на высоту „шедевра", в то время как вся наша литературная общественность это произведение отвергла, как явный литературный суррогат.

Доклад Торошелидзе, сделанный им на всесоюзном с'езде писателей, изобилует антипартийными формулировками, вредными положениями, идущими вразрез с политикой партии в литературе и с указаниями партии по вопросу об освоении классического наследия. Торошелидзе клеветнически утверждал, будто Илья Чавчавадзе о дворянстве, как господствующем классе, который должен сойти с исторической сцены, не сказал ни одного слова.

В текущем году народы советской страны отмечают 100-летний юбилей Ильи Чавчавадзе, как любимого поэта, как виднейшего представителя национально-революционного движения в Грузии во второй половине XIX века. Торошелидзе же пытался протащить свою вредную концепцию о том, будто Илья Чавчавадзе не выступал против крепостничества и не боролся с ним.

Несмотря на точные и правильные указания, которые ему были даны, Торошелидзе все же протаскивал свои антипартийные взгляды.

Враг народа Торошелидзе с меньшевистских позиций вел борьбу против политики партии в вопросе об освоении классического наследия. Достаточно припомнить статьи меньшевика Жордания о творчестве Ильи Чавчавадзе, напечатанные в прошлом в грузинской прессе, чтобы без особого труда установить полное тождество аргументаций Жордания и Торошелидзе в оценке творчества Ильи Чавчавадзе.

Другой пример: грузинского классика Важа Пшавела Торошелидзе выводит в качестве апологета общинного уклада и, следовательно, реакционной силы в развитии грузинской литературы..."

И немного далее:

„В грузинской писательской организации оказались враги народа Б. Бибинейшвили, Р. Каладзе, С. Талаквадзе. Не имея никакого удельного веса в грузин-

ской литературе, эти последыши троцкизма все же сумели примазаться к писательской организации и, маскируясь высоким званием советского писателя, творить свои гнусные дела."

Затем Татаришвили переходит к армянской и юго-осетинской секциям „союза советских писателей Грузии:"

„И в армянской секции союза писателей Грузии нашла себе приют группа шовинистов-националистов и троцкистов во главе с контрреволюционером Халатяном; при этом ряд членов секции знал об антисоветских контрреволюционных делах проходимца Халатяна и его группы, но никто не счел своей обязанностью во-время разоблачить этих мерзавцев. В течение нескольких лет эти отщепенцы пользовались мандатом и правами советского писателя; вследствие притупления большевистской бдительности у руководителей секции, эти презренные гады не были во-время разоблачены. И только при помощи партии была пресечена их преступная деятельность.

Юго-осетинская писательская организация также оказалась засоренной классовыми врагами. Этот факт показывает нам, что союз советских писателей Грузии не был всегда бдительным в отношении каждого члена союза и, в частности, писательских организаций автономных республик."

Эту цитаду автор заканчивает следующими словами:

„Мы не можем забывать и того обстоятельства, что в прошлом в творчестве некоторых членов союза советских писателей Грузии преобладали элементы шовинизма и национализма. Необходима неослабная бдительность и неустанная борьба, чтобы окончательно выкорчевать остатки националистических настроений из сознания этих писателей."

В дальнейшем автор „разоблачает" писателя Б. Буачидзе, который „в свое время возглавлял филиал авербаховской группы в Грузии." Затем, достается и М. Джавахишвили, в произведениях коего наблюдаются „идеологические срывы" и „нет достаточной политической четкости". Это свидетельствует о том, что „писатель еще не слился с нашей многогранной и яркой действительностью." Наконец, говорится еще о некоем И. Кипиани, роман которого „Амон" о будущем коммунистическом обществе оценивается как „литературная халтура," а также о писателе К. Бобохидзе, книга коего „Кавказ в шквале" названа „подлинным политическим провалом."

Автор статьи призывает вести, „со всей решительностью," борьбу „за идейную чистоту, идейную насыщенность грузинской литературы," делая при этом весьма характерное признание, что „грузинская художественная проза и драматургия еще не дали значительных произведений на актуальные темы нашей современности, отдавая чрезмерно большую дань исторической тематике."

Трудно писать о том, к чему не лежит сердце, а историческая тематика даже в советских условиях дает известную возможность высказать те подлинные чувства, которые волнуют писателей под'яремных народов.

ЕЩЕ О ШКОЛАХ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В одном из прошлых номеров нашего журнала мы цитировали выдержки из заметки некоего проф. Львова, помещенной в газ. „Социалистическая Кабардино-Балкария" и посвященной школам в Каб.-Балк. АССР. В заметке этой проф. Львов констатировал, что „опыту школьной работы, заботливости о детях нужно учиться в Кабардино-Балкарии", хотя тут-же приводил примеры вопиющих непорядков, царящих в школах сатрапии Калмыкова и именно в области восхваляемой заботливости о детях.

Ныне, по материалам той-же самой „Соц. Каб.-Балк." (№ от 15-V-1937), мы можем восполнить картину школьного дела в Кабардино-Балк. АССР новыми фактами. Так например, газета вынуждена признать, что —

„Ежедневно в редакцию поступают письма, в которых рассказывается, что в школах творятся нетерпимые безобразия."

Виновником всех этих „безобразий" является, по мнению газеты, учительский персонал. Газета доказывает это следующими фактами:

„Приведем факты. Бывший директор малкинской неполной средней школы Левицкий, снятый за развал, за политические ошибки, сейчас работает в нартанской школе преподавателем русского языка. Или вот более возмутительный факт: Иванов, снятый за политические ошибки с должности директора прохладненской неполной средней школы, сейчас работает завучем в педучилище. Прошлое Иванова темное: он был в эмиграции, воспитывался и образование получил в Варшавском университете, и этот, видимо, «незаменимый педагог» «воспитывает» кадры для школ всей республики без всякого контроля. Об этом хорошо знают в отделе народного образования, но там говорят, что некем его заменить. Или вот Еськов, бывший директор екатериноградской школы, после снятия был переброшен в школу № 2 г. Нальчика завучем, откуда впоследствии был снят за пьянство, а сейчас работает инспектором ОНО Нагорного района. Бывший инспектор облоно Иванцов, снятый за непригодность, был направлен директором в солдатскую неполную среднюю школу. Он и там работу развалил, кроме того присвоил, путем приписки «за часы»... безделья, до 600 рублей школьных средств. После чего его „перебросили" в сармаковскую школу, где он тоже бездельничал. Сейчас хотя он и освобожден, но не привлечен к ответственности. Директор школы сел. Шалушка Чичитко почти безвыездно пьянствует в Нальчике.

Достаточно говорят и эти факты о работе отдела кадров республиканского ОНО, где сейчас сидит такой же бездельник Ефремов, которого приезжающие районные работники ищут не в учреждении, а в биллиардной.

Работу Ефремова можно охарактеризовать следующими фактами: Ефремов, который каждый раз ссылался на отсутствие кадров, не использовал ассигнованные средства на курсовые мероприятия по республике 478.700 рублей, по районам для этой же цели не использовано 98.300 рублей, а по школьному управлению не израсходованы 161 тысяча рублей.

Какими же „кадрами" располагает этот отдел на местах? Для доказательства перечислим несколько фактов: прималкинский районо не имеет методистов, а зав. районо Кулюпин — не педагог, нисколько не разбирается в педагогике, он разогнал весь штат методистов, работает один „методист" Чернышев, снятый за необеспечение руководства прохладненской школой № 2. Чернышев — хороший подхалим, умеет угодить всегда своему начальнику и устраивает выпивки у себя на квартире.

Директор школы в сел. В. Балкария Фалдеев совершенно безграмотный. На уроках географии плетет всякую белиберду: „Волга впадает в Белое море", „Перекоп находится в Ленинграде" и т. д."

Но особенно возмущает газету то, что в ауле Верхний Куркужин „преподает бывший мулла", а в Верхней Балкарии „на уроках в школе ученикам преподают Коран, говоря о том, что «по Корану будут спрашивать на том свете»."

„Мулльская агитация в этих селениях—читаем в газете—дала отсев в школах до 77 учащихся. В Н. Чегеме мулла по выходным дням собирает школьников и разучивает с ними антисоветские песни. В станице Пришибской многие дети бывают в церкви, да и в городе под пасху некоторые учащиеся посетили церковь.

Все эти факты уже достаточно говорят об отсутствии антирелигиозного воспитания в школах. Об этом откровенно заявляют и работники ОНО, а председатель республиканского союза начальных и средних школ тов. Архестров прямо заявил:

— Мы о развертывании антирелигиозной работы в школах давали указание только в прошлом году."

Если в этом описании и есть что-либо отрадное, то только факт, что большевикам, несмотря на все их усилия, не удается поколебать религиозных настроений среди масс.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ БОГАТСТВА ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ АДЫГЕИ

В газете „Молот", от 14-V-1937 г. помещена обширная статья, в которой описываются запасы естественных богатств района рек Большая Лаба и Схагуаше (Белая), входящего сейчас в пределы „Азово-Черноморского края". Приводим некоторые выдержки из этой статьи:

„...большой интерес представляет один из наиболее богатых районов нашего края—бассейн реки Большой Лабы, главным образом, в пределах Мостовского района.

Здесь, вблизи станиц Губской и Хамкетинской, располагается одно из крупнейших в Союзе месторождений марганцевых руд. По предварительным данным, марганцевые руды залегают в этом районе на громадной площади, и запасы их исчисляются в 34 миллиона тонн.

До сих пор это месторождение практически совершенно не освоено, несмотря на то, что обнаруженные марганцевые руды можно было бы использовать для получения силикомарганца и марганце-кремнистого алюминия.

Лабинские марганцевые руды широко и разносторонне могли бы быть использованы в химической, в красочной промышленности, в сельском хозяйстве и т. д...

Ценность марганцевых руд в этом районе еще более увеличивается, если учесть, что недалеко от них, в нескольких десятках километров, проходит полоса еще мало изученных железных руд (Бамбак, Апсыры и другие).

Вторым об'эктом промышленной разработки являются азово-черноморские серпентиниты (змеевики). Практически неисчерпаемые запасы этого сырья не только представляют ценность как возможный источник металлического магния. Они могут быть использованы и в керамической промышленности, и для получения минеральной крошки, и для изготовления вяжущих веществ, различных огнестойких красок, для очищения нефтепродуктов и т. д.

Перемолотые и обработанные серной кислотой серпентиниты могут быть использованы и как удобрение для различных сельскохозяйственных культур.

Сам серпентинит, имея обычно красивую и разнообразную окраску, является хорошим поделочным или облицовочным материалом.

В толще этих змеевиков, в пределах Азово-Черноморья, встречаются жилы хризотил-асбеста, талька, гнезда хромистого железняка, магнезита, скопления никелевых руд и т. д.

Все это говорит о том, что комплексное, рациональное использование змеевиковых массивов Азово-Черноморья, в первую очередь в пределах Мостовского района (по рекам Большая и Малая Лаба, Белая), представляет большой интерес и является актуальной хозяйственной проблемой.

Для нефтеобрабатывающей и масло-жирной промышленности края большое значение имеют дешевые природные адсорберы для очистки бензина, керосина, других нефтепродуктов и растительных масел. В этом отношении имеется уже ряд данных о наличии на нашей территории отбеливающих глин, кремнистых диатомитовых пород и т. д. По обоим берегам реки Большая Лаба, в пределах станиц Губской, Хамкетинской, Каладжинской, Бенока, по реке Белой и в ряде других мест обнаружены выходы отбеливающих глин. В различных районах края разбросаны более или менее крупные месторождения трепелов и диатомитов.

Важно отметить, что работы последних лет по изучению свойств отбеливающих глин в ряде случаев показали их способность не только обезцвечивать нефть и маслопродукты, но и смягчать жесткие воды.

Для промышленности (питание котлов), для сельского хозяйства, и, в частности, для животноводства нашего края, это обстоятельство может иметь большое практическое значение.

Вот почему быстро должны быть проведены работы по изучению и практическому использованию глинистых и других природных адсорберов.

Для целей лако-красочной промышленности могут быть использованы марганцевые руды, многочисленные месторождения железных руд (суриковых) и железных охр (Лаба, Тамань и др.).

В горной части края есть целая серия месторождений барита—прекрасного сырья для получения белил. Глины—адсорберы также могут быть носителями красящего пигмента и давать хорошие, стойкие краски.

Значит, лако-красочное производство в Азово-Черноморье имеет прекрасную сырьевую базу.

Предгорные и горные части края, районы Черноморского побережья хранят разнообразные виды строительных и облицовочных камней. Различные граниты, мраморы и яшмы с разнообразными красивыми рисунками, доломиты, белые, серые, розовые известняки, кварциты, гипсы должны, наконец, получить выход из предгорных долин и горных ущелий для обслуживания строительства края.

Практическое изучение и использование строительного, облицовочного и поделочного материалов, которыми располагает наш край, безусловно должно быть осуществлено в третьей пятилетке.

Работы последних лет показали, что горные районы Азово-Чорноморья богаты цветными металлами. Мы не говорим о золоте, которое впервые для северных склонов Кавказского хребта стало добываться именно на территории Азово-Черноморья, в басейне реки Малая Лаба.

Золотопромышленность в нашем крае и на всем Северном Кавказе прочно стала на ноги. Но помимо золота и встречающихся вместе с ним россыпей платиновых металлов, наши горы содержат руды свинца и цинка, молибдена и ртути, олова и мышьяка, меди и других не менее ценных металлов.

Для того, чтобы обеспечить нашу химическую промышленность серной кислотой, мы имеем неисчерпаемые запасы гипсов, использование которых зависит только от технологии и экономической целесообразности этого мероприятия. Одновременно необходимо серьезно и до конца изучать многочисленные выходы в пределах края серного колчедана (пирита). Он встречается обильными пропластками, линзами, желваками в предгорных осадочных породах. В виде жил и крапленностей серный колчедан встречается в породах горных районов.

Все перечисленное здесь говорит о том, что месторождения многих полезных ископаемых в нашем крае прекрасно известны и дело сводится к тому, чтобы усилить разведки промышленных залежей руд.

Бассейн рек Лабы и Белой имеет все данные к тому, чтобы стать богатейшим промышленным районом Азово-Черноморского края. В третьей пятилетке эта проблема должна найти полное свое разрешение.

Это тем более возможно, что задача изучения и практического использования недр Азово-Черноморья в бассейне рек Лабы и Белой значительно облегчается проведением железной и шоссейных дорог от Лабинской к Псебаю и от Псебая дальше в горы.

Железнодорожные составы, автомобили могут подаваться непосредственно к самим месторождениям змеевикового комплекса, марганцевых руд и т. д.

Если в прежние годы условия транспорта ограничивали размах практических работ в этих районах или даже делали их экономически невозможными, то в настоящих условиях промышленное освоение ископаемых бассейна Лабы и Белой вполне рентабельно и экономически оправдываемо.".

В заключении автор статьи приводит весьма характерное замечание:

„Летом прошлого года, спускаясь с хребта Джинту в бассейн Рожкао, среди густого, дикого леса, я и мои сотрудники услышали заводской гудок на золотом прииске Рожкао.

Не без волнения вспомнил я лето 1931 года, когда с трудом, шаг за шагом, пробирались мы здесь же в дикой чаще, ежесекундно спотыкаясь о скрытые травой скользкие камни или проваливаясь в пустоту десятки лет тому назад свалившегося и истлевшего ствола.

Тут, у устьевой части Рожкао, среди папоротников и зарослей, группа краевых работников и геологов рас-

сматривала тогда первые, отмытые из песков, крупинки золота.

Сейчас на этих местах вырос большой поселок, ключем бьет жизнь".

Жизнь эта, следует добавить, является чуждым наростом на теле Северного Кавказа. Строят ее люди пришлые в ущерб и за счет настоящих хозяев края. Промышленное освоение края в условиях оккупационного режима означает усиление колонизаторского натиска, еще больший наплыв с севера русских, на этот раз в виде кадров рабочего пролетариата.

ИТОГИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В „Грозн. раб." от 6-IV-1937 г. напечатана пространная статья секретаря чеч.-инг. обкома ВКП(б) Егорова под заглавием: „Наболевшие вопросы колхозного строительства в Чечено-Ингушетии". Статья эта содержит ряд весьма характерных признаний.

Во-первых, Егоров констатирует, что чечено-ингушские колхозы торгуют землей, хотя, мол, в уставе сельхозартели (стандартный устав для колхозов) и сказано, что „земля не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артелью в аренду". Продажа земли носит массовый характер. В ауле Плиевском, председатель колхоза им. Буденного Плиев продал 200 га колхозной земли колхозникам и единоличникам; в другом колхозе этого же аула продане 400 га колхозной земли; в третьем—100 га. В ауле Н. Атаги продано свыше 100 га, в ауле Чишки—170 га и т. д.

Во-вторых, Егоров отмечает непрекращающееся сокращение поголовья скота, в особенности лошадей (в 1929—30 г.г., т. е. в первые годы коллективизации, поголовье скота на Северном Кавказе уменьшилось более чем на 50 проц.). С 1 января 1936 г. по 1 февраля 1937 г. поголовье лошадей в Чечено-Ингушской АССР уменьшилось на 5087 голов: с 57029 голов на 51942 головы.

„Мы не учли — пишет Егоров — особенностей быта наших колхозников, не сумели сочетать интересы колхоза с личными интересами колхозников. Это недовольство было использовано враждебными кулацко-мулльскими элементами и в ряде районов, под влиянием их агитации, уход за обобществленным конем был поставлен из рук вон плохо. Лошадей не кормили, не ухаживали за ними и довели дело до того, что огромное количество лошадей в нынешнем году не может быть использована на работах, а часть их была разбазарена".

В-третьих, Егоров вынужден признать, что „руководящие кадры колхозов засорены классово-враждебными элементами". Из 23 проверенных председателей колхозов по Ачхой-Мартановскому району 14 человек—„кулаки, сыновья кулаков, торговцев и контрреволюционеров". Такая же картина и в иных районах. В результате, колхозная дисциплина „стоит на очень низком уровне." На работу, например, выходит не более 20 проц. колхозников; колхозники небрежно относятся к колхозной собственности и даже часто „расхищают" ее.

В заключении Егоров выражает уверенность, что „партийная организация, передовые колхозники, стахановцы, партийные и непартийные большевики честно и дружно возьмутся за исправление ошибок и организуют колхозную массу на борьбу за хороший урожай".

Как видим, итоги и перспективы коллективизации представляются отнюдь не весело.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Первым секретарем орджоникидзевского крайкома ВКП(б) назначен некий Сергеев К. М., уроженец б. Тверской губернии. Перед этим в должности секретаря крайкома состоял Евдокимов, который был переведен на ту же самую должность в Азово-Черноморский край на место известного на Северном Кавказе русского коммуниста Шеболдаева, б. члена большевистского совета обороны в Дагестане и главы дагестанского областного комитета РКП(б), впавшего в последнее время в немилость.

— Газ. „Грозн. раб." пишет: „Растет спрос на реконструированную чечено-ингушскую балалайку (дечик-пондур) как в пределах Чечено-Ингушетии, так и за ее пределами. На днях представители братской Дагестанской республики закупили на музыкальной фабрике 100 дечик-пондур. Заказ на этот инструмент поступил и из Северной Осетии".

— В той же газете имеется следуюшее сообщение: „В 1877—78 г.г. Алибек-Хаджи поднял восстание против царских колонизаторов. Восстание было жестоко подавлено. Алибек-Хаджи и его 22-летний сын Ума (офицер), перешедший на сторону восставших, и 11 блиских его последователей были повешены в Грозном. Около 1000 человек, из числа восставших, царское правительство сослало в Сибирь, Вологду и другие места. В старых архивах найдены списки участников восстания—убитых и сосланных в Сибирь. По заданию института языка и истории доцент Мальсагова Тамара пишет книгу о восстании Алибек-Хаджи. Впервые будет опубликован ряд документов и материалов из этой героической борьбы чеченцев за свое освобождение". Это сообщение содержит неточности. Алибеку-Хаджи из Зондака во время восстания 1877—78 г.г. было около 25—30 лет и он не мог иметь взрослого сына офицера. Сына офицера, перешедшего на сторону восставших, имел Ума из аула Дзумсой, ближайщий сотрудник Алибека-Хаджи в восстании.

— В ночь на 29 т. г. в Тифлисе „погиб от вражеской руки" директор Государственного театра, оперы и балета А. Чкония, член коммунистической партии с 1926 года.

— Президиум исполкома Каб.-Балк. АССР с согласия ВЦИК РСФСР преобразовал станицу Прохладную в город Прохладный. Новый город по-прежнему будет центром Прималкинского района Каб.-Балк. АССР. Гор. Прохладный насчитывает 37 тыс. жителей.

— Индо-иранский кабинет Института языка и мышления при Академии наук СССР признал, что академический осетино-немецко-русский словарь В. Ф. Миллера, последний том которого издан был два года тому назад, „не удовлетворяет уже потребностям настоящего времени", и решил издать новый академический осетино-русский словарь. Ориентировочные сроки издания словаря рассчитаны в 6—7 лет.

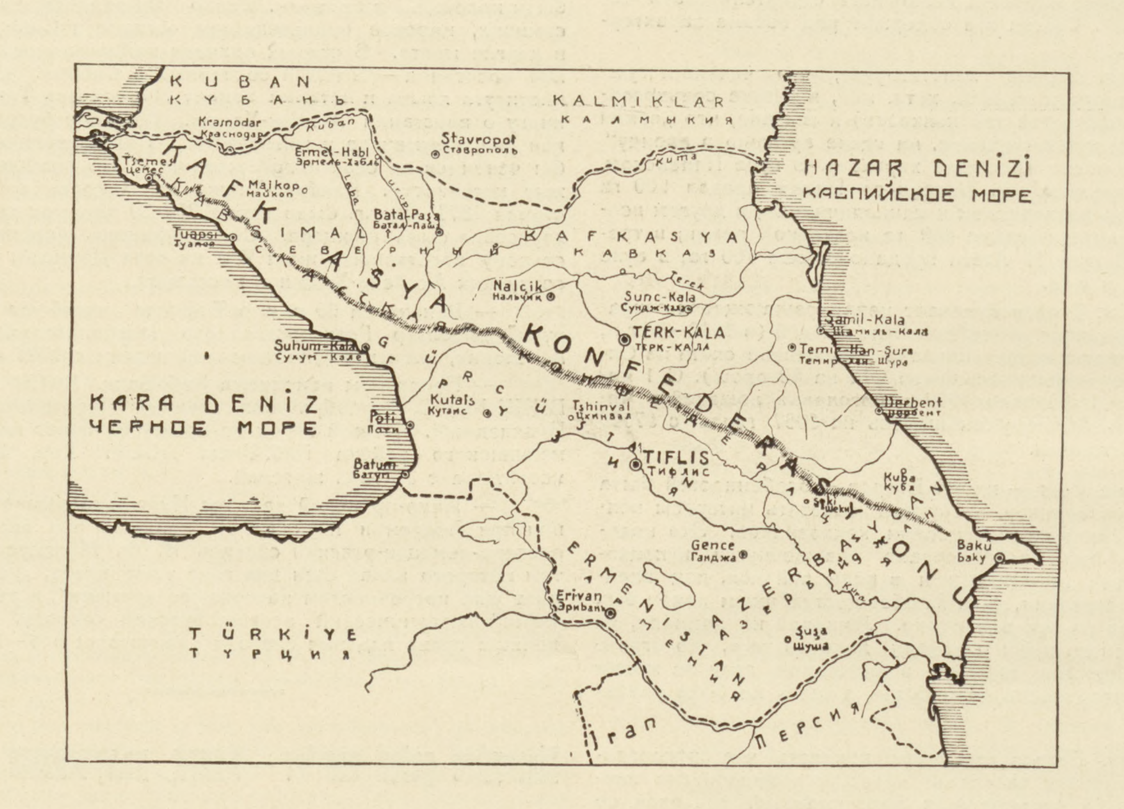
Idaremize gelen eserler — Книги, полученные редакцией

— **Annali** del R. Instituto Superiore Orientale di Napoli; vol. IX, fasc. I. Dicembre 1936/XV.

— **Das Rotbuch über Spanien**; Bilder — Dokumente — Zeugenaussagen. Gesammelt und herausgegeben von der **Anti-Komintern**. Nibelungen-Verlag, gmbH., Berlin-Leipzig. 1937.

ПОПРАВКА

Наш сотрудник, г. Адиль-бек Кулатти, сообщает читателям журнала, что в его рецензии о книге Халил-бека Мусаясул допущена неточность: наиб Закарья был дедом не автора книги, как об этом говорится в рецензии, а его двоюродного брата Алтая.

Mестиаnın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Al. Niepodległości 26 m. 6a, Warszawa (12), Pologne** — Адрес редактора

Mестиа idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

DRUK. D. SZWEDE. WARECKA 9. TEL. 509-31